

Татьяна Алюшина

С молитвой о тебе

Татьяна Алюшина
С молитвой о тебе

«ЭКСМО»

2012

Алюшина Т. А.

С молитвой о тебе / Т. А. Алюшина — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-55504-8

Бежать... Бежать как можно дальше. Затаиться, залечь на дно. Не заводить друзей. Опасаться знакомств с противоположным полом... Таковы правила Ксении. Загнанная, преследуемая, она уже давно не ждет счастья. Тем большим подарком для девушки становится встреча с человеком, которого она любила в юности и не позабыла за все эти полные тревог годы... Но можно ли отдаться чувству, не опасаясь навлечь беды на любимого?..

ISBN 978-5-699-55504-8

© Алюшина Т. А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Татьяна Алюшина С молитвой о тебе

Кире необычайно повезло – заметив, что пожилой уставший дядька начал тяжело подниматься, прихватив свои вещи, она сумела как-то бочком, бочком, осторожно, но целеустремленно вклинуться между двумя мужчинами и женщиной, зазевавшимися у входа в кафе, и занять освободившееся место за маленьким столиком. Проямлила мужчине нечто невразумительное – не то извинение, не то благодарность, мило улыбнулась и плюхнулась на диванчик, перехватив недовольные взгляды обойденных ею в очереди.

Ну, извините! Некрасиво, конечно, и даже где-то стыдно, но в полном коллапсе, творившемся в аэропорту, отыскать свободное место в кафе приравнивалось к маленькому чуду и небывалому везению.

Или наоборот? Да какая разница – везение или что там еще! Всем прекрасно известно: когда в аэропортах засада с задержкой рейсов – это что-то! Апокалипсис! Какое там кафе?! Сесть негде, – лечь, правда, можно. На полу у стенок лежите на здоровье, граждане ожидающие, а вот сесть, извините – любимая табличка времен застоя: «мест нет!».

А кофе хотелось нестерпимо! Горячего капучино. Большую кружку, и так, чтобы шапка сливок, посыпанных корицей! Ум-м-м! Красота! И посидеть в цивилизованном пространстве, и ноги свободно вытянуть, а не на продуваемом подоконнике, как курочка на жердочке.

Устала она. До мелкой дрожи и звона во всем теле! Провела три пары занятий, бегом в магазин и на рынок, бегом домой, приготовила торжественный ужин и – в аэропорт. С нетерпением ожидая такой долгожданной встречи, даже маленький симпатичный букетик прихватила.

Ага, сказала природа. Это вам, девушка, в Майами или на Канары, с такими-то оптимистичными ожиданиями и цветочками, а не в Россию в середине декабря!

В аэропорту ждут они! Ха! Хмыкнула она же, матушка-природа, и задала такую метель с вьюгой на пол-России! От души! Предновогодний подарочек, так сказать.

И ведь, зараза, вроде бы ничего не предвещало – и денек задался тихий, спокойный, даже солнышко проглядывало, и ни ветерка, и ни намек, – благодать, одним словом. А в семь вечера вдруг потемнело, потемнело, плюнуло предупреждающе снегом, подуло не нагло, лениво, а через полчаса такое началось! Что и лихой человек на промысел не выйдет, какие уж там самолеты!

Но в справочной аэропорта, куда Кира с трудом дозвонилась, ей сообщили, что рейс придет по расписанию. По всей видимости, такую же обнадеживающую информацию огласили и остальным сильно сомневающимся гражданам, обратившимся за справками в тот день, и как результат – сотни застрявших в аэропорту страдальцев. Сидящих, лежащих, стоящих в змеевидных длинных очередях в туалеты, мечтающих завоевать местечко в любом кафе – одинаково унылых, уставших, с налетом отчаяния на лицах, людей, перемещающихся по зданию, уже никуда не спеша и напоминая чем-то келоидную массу слабого возмущения, над которой стоит непрекращающийся гул голосов.

Кира сделала заказ подошедшей официантке, попутно успокаиваясь после маленькой победы, вызвавшей легкое суетливое возбуждение, мазнула взглядом по соседу за столиком, вежливо мимолетно поздоровалась, не остановившись на его рассматривании, погруженная в свои переживания.

Все это хорошо – и кофе, и то, что смогла место занять в не свойственной ей никоим образом пронырливой манере, но...

Рейс, который она встречала, уже задержали на два часа, и наверняка задержат еще. А Ксения Петровна – немолодой и не очень здоровый человек, ей любые нагрузки и переживания противопоказаны, тем более сидение в переполненных аэропортах и трудные ночные пере-

леты. На этом моменте размышлений сам собой возник конфликт противоречивых чувств. С одной стороны, Кира, организовавшая приезд любимой преподавательницы, с нетерпением ждала этой встречи – так много всего хотелось обсудить с Ксенией Петровной, а с другой – переживала, понимала, что той лучше побережся и никуда не лететь при подобных обстоятельствах.

Возникло некоторое оживление в зале, люди подтягивались к информационным табло, запрокидывали головы в ожидании новой информации. Одно табло находилось рядом с кафе и было хорошо видно всем посетителям, цифры на сплошь красных строчках мигнули, поменялись, вызвав в рядах пассажиров громкие разочарованные возгласы. Колокольцами прозвучал сигнал включения громкого оповещения, и спокойный приятный женский голос принялся монотонно перечислять рейсы и время их очередной задержки.

Это, знаете, как-то раздражало – на фоне безнадежного ожидания стольких людей, застрявших здесь неизвестно насколько, такой милый ровненький голосок.

– Вот же, черт! – присоединилась к всеобщему негодованию Кира.

– Вы встречаете или улетаєте? – спросил сосед по столику.

– Встречаю, – вздохнула она горестно-безнадежно.

– Вот и я встречаю, если это можно так назвать, – поддержал пессимизм соседки мужчина.

– А вы какой рейс ждете? – оживилась Кира и наконец-то удостоила соседа заинтересованным взглядом.

И... забыла дышать, схлопотав мгновенный шок от узнавания! Может, и рот открыла, и глаза выпучила неосознанно, хорошо, он не видел, отвлеченный официанткой, размещающей на небольшом пространстве столика Кирина заказ. А Кира...

Дышать она вспомнила, и даже рот закрыла, и с первым шоком справилась, но, как ни старалась, совладать с рвущейся улыбкой не могла! Вот не могла и все!

И осмыслить и поверить не могла никак, что вот так просто сидит с ним за одним столиком! Вот реально! В жизни! И так запросто, так близко!

– Я встречаю триста двадцать пятый из Москвы, – ответил объект шокового узнавания на ее вопрос, как только расстановка тарелок была закончена и отошла официантка.

– Я тоже, – радостно, как праздничную речовку, произнесла Кира и, не удержавшись, звеня голосом и сияя глазами, сообщила: – Вы Николай Крайнов!

Выражение его лица мгновенно изменилось! Из дружелюбного товарища по несчастью он сразу превратился в отстраненного холодного мужика, дистанцировавшегося на километры жизни. Сосед недобро глянул на нее и неприязненно спросил:

– Мы встречались?

– Да! – радостно улыбалась Кира.

– Это вряд ли, – холодил тоном мужчина, только что не кривясь от досады. – У меня хорошая память на лица, вас я не помню.

Сказал, подчеркивая дистанцию между ними, даже движение корпусом сделал весьма однозначное – встать и уйти, подальше от внимания девушки, явно навязчивой.

Она помнила, когда у него делалось такое выражение лица.

В той, другой его жизни, когда Николай давал многочисленные интервью, у него всегда лицо становилось таким – отстраненным, предупреждающе холодным, словно заледеневшая маска, если журналисты задавали ему нетактичные или откровенно наглые вопросы о личной жизни. Он изменился с того времени и выглядел старше своих лет, не в том смысле, что потерявший и постаревший раньше времени, а словно мудрость какую-то приобрел, тайну познал, преодолев испытания нелегкие. Наверняка так оно и было.

А Кира, догадавшись о направлении его мыслей и возникших предположений на ее счет, развеселилась еще пуще:

– Да вы не беспокойтесь, Николай, я не принадлежу к числу ваших бывших девушек и многочисленных поклонниц. Мы познакомились с вами чуть раньше вашей мировой славы, – все улыбалась и улыбалась она, не обращая внимания на неприкрытую холодность и нежелание мужчины беседовать дальше. – Мне было четырнадцать лет, вам шестнадцать, и вы катали меня на велосипеде в дачном поселке и, кажется, были в меня влюблены!

Он остановился, уже почти поднявшись из-за стола, сел обратно, внимательно присмотрелся к ней, видимо, вспомнив что-то такое из изложенных ею фактов, и удивленно спросил:

– Вы Кира?

– Да! – она кивнула, продолжая излучать радость.

– Я помню, – не устоял перед напором ее радости и сдержанно улыбнулся в ответ Николай Крайнов. – У вас была странная фамилия...

Он свел брови, как делают люди, стараясь припомнить нечто, что вертится в голове совсем близко, только не ухватишь никак – ускользает, и даже жест своеобразный рукой сделал, сопутствующий процессу вспоминания.

– Белая! – ткнул он в ее сторону указующим перстом, как и положено, радуясь силе своей памяти, и теперь уж открыто улыбнулся ей навстречу. – Кира Белая! И еще вы очень красиво играли на пианино, а мы с пацанами перелезали через забор и подслушивали под окнами, попутно воровали ужасно вкусную сливу с вашего же дерева и ели, пока слушали!

И, лукаво сверкнув глазами, признался, немного удивив Киру:

– И да, действительно я был в вас влюблен! – И все рассматривал ее изучающее-удивленно. – Неужели это на самом деле вы, Кира Белая?

– Это я! – подтвердила она и рассмеялась. – На этом месте полагается спрашивать: «А что, я так сильно изменилась?»

– Изменились, – уверил Николай. – Не то чтобы сильно, но теперь вам точно не четырнадцать лет.

– Да! – зазвенела легким смехом Кира. – Тогда я была ужасно длинноногая, худая, как жердь, с вечно растрепанными волосами, которые так и норовили вылезти из любой, самой плотной косы. И, по-моему, у меня постоянно обгорал и облуплялся нос.

– И у вас были потрясающие веснушки! – дополнил картину мужчина. – Они меня просто с ума сводили!

– А про то, что вы воруете сливы, мы все знали, и папа запрещал нам их самим собирать, говорил: пусть у поклонников будет дополнительный стимул слушать твою игру...

Ее прервала мелодия сотового. Извинившись, Кира полезла в сумку, торопливо извлекла телефон:

– Да!

– Кирочка, – печальным голосом отозвалась Ксения Петровна. – Рейс отложили еще на два часа. Ты уж извини, детка, но это мне не по силам. Да и тут у нас такое светопреставление! Метет все сильнее и сильнее, по новостям передают, что так до следующего утра будет. Билет я сдала, меня пропустил без очереди приятный молодой человек. Поеду домой, пока электричка ходит.

– Ну и правильно, Ксения Петровна, – согласилась Кира, – ужасно жаль, что так получилось, но что поделаешь.

– Да, не повезло нам! – вздохнула Ксения Петровна и немного взбодрившимся голосом предложила: – Я вот что подумала: ты, Кирочка, организуй видеосъемку выступлений и сама в Москву приезжай, привози. Посмотрим вдвоем твоих ребят, все обсудим, поговорим. Давай числа пятого января. И праздники отшумят, и мы не торопясь пообщаемся. А? Как тебе предложение?

– Замечательно! – согласилась Кира. – Так и сделаем. И приеду обязательно! Ксения Петровна, вы, как домой доберетесь, позвоните мне, что все в порядке.

- Позвоню, Кирочка. Ну, до встречи!
- До свидания, Ксения Петровна, аккуратнее идите, раз метет так.
- Поостерегусь, обещаю.

Кира нажала кнопку отбоя, вздохнула с легкой печалью и посмотрела на Николая Крайнова, собираясь поделиться не самой приятной новостью о разбушевавшейся в Москве стихии. Он тоже разговаривал по мобильному и, по всей видимости, получал данную новость от очевидцев.

– ...и что, вы там всю ночь сидеть намереваетесь? – недовольно вопрошал у кого-то Крайнов и, выслушав ответ, вздохнул обреченно: – Ну, ладно, звоните.

Положил телефон на стол и спросил:

– Из Москвы звонили?

– Да, – кивнула Кира. – Я встречала Ксению Петровну, мою бывшую и любимую преподавательницу по фортепьяно, но она билет сдала и едет домой. В Москве страшно метет, и вряд ли до утра эта катавасия закончится, а Ксения Петровна человек пожилой и не очень здоровый. Так что я свою вахту встречи закончила. А ваши как, будут ждать?

– Да, – выразил недовольство Николай и даже рукой махнул. – Родители решили, что посидят еще два часа в аэропорту, подождут. Они неплохо там устроились, на каком-то удобном диване, у них ноутбук с собой, смотрят фильмы, которые скачали из Сети. Подозреваю, что они просто не хотят, чтобы я ночью по такой погоде домой возвращался.

– А вы что, здесь живете? – удивилась Кира.

– Не совсем здесь, в «Метели», – пояснил он.

– Ну, ваши родители, наверное, правы, – осторожно предположила Кира. – До вашего знаменитого поселка отсюда часа, наверное, два, если не больше, на машине ехать, а ночью, да при таком снеге...

И вдруг, без предупреждения и предварительных намеков, Киру посетила неожиданная мысль, да такая четкая, настойчивая, что она, и посомневаться не успев, выпалила:

– А знаете что, Николай, поехали ко мне!

– Куда к вам? – опешил он от напора и энтузиазма, с которым было выдвинуто предложение. – Вы же вроде москвичка?

– Теперь я живу в этом городе, – сообщила она и принялась настойчиво расширять свое предложение: – Поехали, что вам здесь сидеть. До моего дома минут сорок езды, и торжественный ужин простаивает, я его готовила для Ксении Петровны. Ваши родители позвонят, мы такси вызовем, и вы спокойно доедете до аэропорта.

– Я на машине, – рассеянно сказал Николай.

– Тем более! – воодушевилась Кира. – И не говорите, что это неудобно!

– Ну, это действительно неудобно, и я уже договорился с друзьями, что приеду к ним ночевать, если рейс еще раз отложат, – непонятым тоном ответил он: не то аргументы отказа приводил, не то сомнения высказывал.

– А у них есть торжественный ужин? – чуть прищурившись лукавой искушающей лисичкой, спросила Кира.

Он рассмеялся легко, свободно и очень по-мужски эротично, у Киры аж мурашки по позвоночнику побежали.

Николай тоже подстраховался и позвонил в справочную аэропорта перед выездом, имея смутные сомнения, что по стремительно портящейся погоде самолет прилетит по расписанию – не ближний свет мотаться до областного центра три часа, чтобы зависнуть в аэропорту. Но милая барышня с максимальной уверенностью в тоне заявила, что самолет прибудет по расписанию.

Столь смелое заявление было опровергнуто реальностью в тот момент, когда Николай вошел в здание аэропорта – сплошные красные строчки на табло уведомляли о задержке всех сегодняшних рейсов минимум на два часа.

Привет! Приехали! Вернее, прилетели!

Он сразу сообразил, какие именно места в зале ожидания станут в ближайшее время самыми востребованными и, немного подождав, облюбовал небольшой диванчик за столиком в кафе, устраиваясь надолго – во-первых, и проголодаться успел, а во-вторых, собирался поработать за ноутбуком, раз получилось такое вынужденное времяпровождение. Вошел для начала в Интернет и посмотрел сводки погоды по Москве и по своему региону. Засада! Причем полная! Видимо, встреча с любимыми родственниками откладывается на неопределенный срок!

Будем ждать. А что делать? Кстати, насчет делать... Николай позвонил хорошим знакомым, напросился на ночлег на всякий, и скорее всего более возможный, сегодня случай. Приглашали с радушным энтузиазмом. Ну, вот и ладушки, ночлег обеспечен, можно и к работе вернуться.

Соседи по столику менялись, он особо не обращал внимания, отгородившись компьютером от навязчивых попыток втянуть его в беседу, но часа через полтора «товарищ» по работе предупредил о разрядке батареи. Вставать и предпринимать поиски розеток для подзарядки было бы неосмотрительно с точки зрения потери столь удобного места дислокации. Пришлось убрать ноутбук в чехол и, подозвав официантку, заказать себе вторую чашку травяного чая.

Очередной сосед по столику, грузный пожилой мужчина, монотонно, прерывая речь тяжкими вздохами, рассказывал о своих дорожных злоключениях, о пересадке с одного рейса на другой и житейских обстоятельствах. Николай слушал вполуха, изредка кивал, соглашаясь, поддакивал, смотрел по сторонам, старательно избегая прямого диалога и испытывая неудобства от необходимости общения.

Девушку в очереди в кафе он увидел и отметил сразу – чем-то она зацепила его внимание: чуть выше среднего роста, стройненькая, но не худая – ладненькая, как сказала бы его мама, длинные ноги, к сожалению, в брюках, но и так видно, что хороши, и высокая грудь впечатляла – так все очень, очень. Именно: ладненько! И лицо интересное – узкое, белокожее, тонкий прямой аристократический носик, чуть полноватые губы и удивительного цвета волосы – ближе к светло-русым, но странного оттенка, как бы поблекшей рыжины – редкий цвет, красивый.

Николай совершенно беззастенчиво разглядывал девушку и немного жалел, что невозможно издалека рассмотреть детали. От созерцания незнакомки его отвлек сосед:

– Вы не присмотрите за моими вещами, мне бы в туалет? – попросил мужчина.

– Увы, – отказал в просьбе Николай.

Он подумал, не оформившейся до конца мыслью, скорее предположил, что, наверное, уступит место девушке, заинтересовавшей его, а там... Обычный мужской оптимизм: может, и познакомится поближе, тем более что сидеть и сидеть еще в ожидании неизвестно сколько.

– Я, наверное, тоже сейчас пойду, – объяснил он.

Мужчина расстроено кивнул и начал вставать с дивана. Девушка, за которой Николай все следил краем глаза, заметив, что посетитель поднимается из-за стола с намерением покинуть кафе, а стоявшие впереди нее двое мужчин и женщина сосредоточили свое внимание на компании молодых ребят, сидевших за одним из столиков и вроде бы собравшихся уходить, как-то бочком протиснулась между ними, прошла между столиков и села на освободившееся место, мило улыбнувшись.

Вот так удача! И уступать место не придется по-рыцарски, и замечательный повод познакомиться выпадает!

Но барышня знакомиться не торопилась – «просквозила» по Николаю взглядом, мимоходом поздоровалась, сделала заказ сразу же подошедшей официантке и погрузилась в какие-то свои размышления, даже отвернулась, глядя куда-то в зал.

Ну, ладно! Зато он не пренебрег возможностью рассмотреть ее не спеша – со вкусом и в подробностях.

Вообще-то она его заворожила!

И, как ни удивительно, сначала ее руки. Пока она устраивалась поудобней – укладывала сумочку, снимала куртку, разговаривала с официанткой, Николай не мог оторвать взгляда от ее рук.

Вы когда-нибудь замечали, сколь разные руки у людей и как много они могут рассказать о характере и физических особенностях человека? А женские руки – это вообще поэма! Бывают самые обыкновенные, с классическими правильными пропорциями, бывают маленькие милые ладошки, почти детские, или широкие с короткими пальцами, есть такие, как у Моны Лизы – длинные, полные у основания и заметно сужающиеся к последней фаланге, и еще много иных форм.

Кисти рук этой девушки были необыкновенными: узкими, с длинными пальцами, с чуть загнутыми вверх последними фалангами, с продолговатым ногтевым ложем, с ухоженными коротко стриженными ноготками, покрытыми бесцветным прозрачным лаком. И двигались они плавно, ровно, словно танцуют – ни резкости, ни суетливости, ни нарочитости жестов, ни искусственной сдержанности.

Николай перевел взгляд на ее лицо и неожиданно почувствовал нечто неуловимое, как смутное, мимолетное узнавание. Присмотрелся повнимательней – нет, они не встречались, такую девушку он бы запомнил!

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что она не красавица, но потрясающе привлекательна! Нет, пожалуй, даже не так – красота ее имела свойство проявляться постепенно, как некоторые картины – посмотришь быстрым взглядом, мимоходом, и вроде ничего интересного, а как остановишься да начнешь присматриваться, такие глубины открываются, что дух захватывает!

Белая матовая кожа, не болезненно белая, а изысканно, с розоватым оттенком, еле заметные крапинки веснушек у переносицы, их даже можно было посчитать, что он и сделал, умиляясь про себя – четыре с левой стороны и пять с правой. А еще темно-зеленые глаза, насыщенного, густого цвета, яркие губы и пушистые волосы, выбившиеся из-под заколки, удерживающей закрученный в пучок хвост.

Он разомлел и даже разнежился немного фантазиями...

Но тут народ начал подтягиваться к информационным табло, где сообщалось об очередной задержке всех рейсов, что вербально повторила милым голоском барышня по громкой связи.

Соседка по столику сильно расстроилась и даже чертыхнулась негромко, он воспользовался таким удобным поводом для завязывания разговора и спросил: встречает она или вылетает. Она ответила, что встречает, поинтересовалась, в свою очередь, какой рейс он встречает, и, наконец, оторвавшись от созерцания табло и людей возле него, перевела взгляд на Николая, и выражение ее лица стремительно изменилось с грустного на сильно удивленное. Он не понял такой метаморфозы, а тут еще подошла официантка, принесла заказ девушки. Он принялся помогать, расставляя и передвигая на столе тарелочки и чашки. Официантка отошла, Николай посмотрел на соседку и даже опешил немного – девушка просто сияла радостью, улыбаясь ему, и в глазах у нее скакали чертики.

Та-а-ак! И что бы это значило?

А она, продолжая сиять, сообщила бодреньким голоском, что встречает тот же рейс, и назвала его по имени: Николай Крайнов.

Его окатило разочарованием, как ледяным душем! Ах ты ж черт! Обидно-то как!

Он уже что-то придумал, нафантазировал про ее необыкновенность и собирался продолжить знакомство с туманной конечной целью. Нет, разумеется, конечная цель всегда понятна

для любого мужчины, но не так прямолинейна, скорее это из вечного мужского постулата: «Главное, ввязаться в бой, а там будь что будет!» Главное – познакомиться поближе, а там как фишка ляжет...

И вдруг, как хук в солнечное сплетение, в разнеженную, разомлевшую интригой и фантазиями душу – она оказалась его бывшей фанаткой, из отряда тех, которые всеми правдами и неправдами пытались проникнуть в его постель, в его жизнь!

От брезгливости и неприязни, от жгущего разочарования он даже смотреть на нее не мог и заторопился уйти, однозначно дав понять, что не хочет продолжать разговор. Но барышня не обиделась, хотя по глазам было видно, что поняла его мысли и выводы, и, ничуть не смутившись, пояснила, что не относится к отряду его бывших поклонниц:

– Мне было четырнадцать лет, вам шестнадцать, и вы катали меня на велосипеде в дачном поселке и, кажется, были в меня влюблены! – озорно сверкнула глазами она, продолжая открыто и радостно улыбаться.

Услышав последние ее слова, он словно увидел из далекого детства яркое солнце, пробивающееся сквозь зеленую листву, и, уже поднявшись из-за стола, чтобы уйти, сел обратно на место и посмотрел на нее другим, изучающим взглядом.

Вот почему она показалась ему смутно знакомой! Она, разумеется, изменилась, повзрослев, стала такой, которую он уже и рассмотрел, и заинтересованные мужские выводы сделал, и все же! Он никогда не забывал то лето, ту девочку и помнил ее красивое и странное имя.

– Вы Кира?

– Да!

И медовым теплом разлилось внутри воспоминание. Они что-то говорили, он особо не вдумывался, а все сопоставлял в уме ту девочку и нынешнюю ее, повзрослевшую, реальную. Их прервал звонок сотового, она заговорила с кем-то по телефону, а Николая кольнула мысль: не с любимым ли? Прислушался: нет, с какой-то женщиной. От этих странных нелогичных эмоций его отвлек звонок собственного мобильного.

Они оба закончили разговоры, поделились новостями о погоде, и выяснилось, что человек, которого она встретила, уже не прилетит, и вдруг она предложила поехать к ней!

Совершенно без сексуального подтекста и намека, очень по-дружески и с открытой душой. Но Николай почему-то не ответил мгновенным согласием, хотя ему очень хотелось поболтать с ней, повспоминать их общее лето, может, рассказать о своих прежних чувствах и переживаниях, но теперь уже с точки зрения взрослого человека, с определенной, разрешенной возрастом и прошедшим временем откровенностью, и очень хотелось услышать ее откровения про себя ту, далекую, и про ее отношение к нему, тому далекому мальчику Коле.

Может, он подсознательно опасался разочарования, неудобства, душевного дискомфорта? Разобраться в сомнениях Крайнов не успел: Кира так лукаво соблазняла торжественным ужином, что он, не удержавшись, рассмеялся, отпуская сомнения.

– Ну, если мы не потревожим ваших домочадцев, – принял приглашение Николай, одновременно выясняя ее семейный статус.

– Я живу одна, – усмехнулась Кира и удивила встречным выяснением: – А мне не надо бояться гнева вашей жены?

– Да уж, – хмыкнул он, качнув головой. – Непрямые вопросы с подтекстами всегда получаются несколько корявыми. Я не женат. А вы, как я понял, не замужем?

– Не за ним! – бодро подтвердила девушка. И двинула следующее предложение: – Коль, а может, в память о прошлой дружбе перейдем на «ты»?

– Легко! – выказал горячее согласие Николай. – Ну что, поехали тогда?

Ситуация на дорогах к разговорам не располагала – мело плотно, во всю зимнюю мощь, дороги превратились в сплошной испытательный автодром с двумя встречными полосами,

видимость стремилась к нулевой, и никакая зимняя резина и шипы не спасали от заносов даже Колин джип повышенной проходимости.

– Вот вам русская зима, – заметил Николай, выезжая со стоянки. – Как всегда, «неожиданное стихийное бедствие» для дорожных служб.

– А мне такая погода нравится, – с налетом мечтательности сказала Кира. – Когда метет сильно-сильно, а ты в домике, в тепле и уюте, совсем замечательно. А если еще и камин! Словно снег отгородил тебя ото всех, спрятал, и ты в безопасности.

– А тебе есть чего бояться? – посмотрел на нее изучающе Николай.

– Каждому есть чего бояться, – ушла от прямого ответа девушка и отвернулась, вглядываясь в снежную мглу через боковое окно.

Странно, удивился Николай, чего может бояться такая благополучная симпатичная девочка? Но мысль свою развить не успел, отвлекшись на то, чтобы разъехаться с двумя забуксовавшими машинами. Оставшуюся дорогу они почти не разговаривали, она только подсказывала, куда свернуть и как лучше проехать, тем и ограничились.

Человек существо интуитивное, с хорошим набором животных инстинктов, правда, практически укунопупленных цивилизацией, но все же не истребленных, а дремлющих до поры. Вы замечали, как при входе в чужой, незнакомый дом у вас мгновенно обостряется то самое дремлющее, и вы практически сразу можете определить, как вы себя чувствуете в этом пространстве! По запаху!

Еще не видя окружающей обстановки, вы уже знаете, враждебна эта окружающая среда для вас или дружелюбна, отталкивающая или располагающая, созвучна вам или диссонирует неприятно.

В квартире Киры Белой пахло домашней выпечкой и ванилью, очень тонким, еле уловимым ароматом свежести и чем-то еще невероятно уютным и светлым. У Николая сразу расслабились мышцы, напряженные после непростой езды, и стало как-то тепло изнутри и светло.

– Проходи! Ты пока раздевайся, осматривайся, а я накрою стол, – гостеприимно предложила она, поискала в калошнице и достала солидные мужские тапки, поставила перед ним. – Думаю, тебе подойдут. Ванна там, – указала она на белую дверь, – если тебе надо умыться или руки помыть.

– Спасибо, – сразу за все поблагодарил он, про себя не преминув отметить неприятно кольнувший факт наличия у нее мужских тапок в хозяйстве. Он, как любой нормальный мужчина, замечал мелочи и детали, а попав в незнакомое пространство, особенно в дом к интересующей его женщине, делал предварительные выводы и приравнивался к ним.

Природа, куда ж от нее! А поскольку никуда – вот он и осматривался.

Квартира Киры представляла собой одну большую студию, условно разделенную на зоны. Прихожую от гостиной отделял стеллаж с открытыми полками, заставленный книгами, вазочками, большими свечами и прочими безделушками, кухонное пространство с комнатой зонировала односторонняя барная стойка, со стороны комнаты к ней примыкала спинка большого, глубокого и мягкого дивана, на котором лежало несколько подушечек и перекинутый через подлокотник мягкий плед. Слева, в противоположном конце комнаты, глубокий альков, прикрытый декоративной ширмой, за альковым выступом – дверь в ванную комнату.

Ему сразу стало хорошо здесь. Уютно и спокойно, что ли.

Ванную комнату, совмещенную с туалетом, он тоже обследовал взглядом и выводами, пока мыл руки – в общем и целом оставшись довольным произведенной «инспекцией» и полным отсутствием мелочей, намекающих на пребывание в этом доме мужчины.

Но кое-что удивляло: например, нигде в квартире он не заметил ни одной фотографии, ни самой Киры, ни ее близких. Конечно, не все любят выставлять фото в интерьере, но до сих пор лично он таких людей не встречал. И еще: общий стиль минимализма и практически

полное отсутствие декоративных вещичек, милых безделушек, что, согласитесь, странно для творческого человека. Ну, у каждого свои заморочки.

– Давай я помогу, – предложил Николай хлопотавшей на кухне Кире.

– Помоги, – улыбнулась она, – разложи, пожалуйста, столик.

Возле дивана стоял невысокий стол-трансформер. Николай заглянул под него, изучил механизм и быстро справился с задачей, превратив стол из журнального в небольшой обеденный.

– Ты садись, отдыхай, – предложила Кира, – у меня все готово, только накрыть.

Он устроился на диване, вытянул ноги и только сейчас, на мягких и невероятно удобных подушках, понял, как сильно устал, что никоим образом не помешало ему наблюдать за девушкой. И ему очень нравилось это занятие.

Наверное, он даже где-то любовался Кирой. Она двигалась, как и ее замечательные руки, очень плавно, не суетясь, не делая резких обрывочных движений, неспешно, словно плыла в танце, и эта ее плавность завораживала, как и то, что делала Кира. Он отмечал любую деталь – вот девушка расстелила льняную скатерть, поверх нее две цветные салфетки, положила приборы, принесла симпатичные салатники с закусками, блюдо с выпечкой, зажгла красивую свечу... И все это время что-то весело рассказывала, как целый день только и думала, что приготовить, чем порадовать Ксению Петровну, как ужасно расстроилась, что гостя не приедет, как рада, что может угостить Колю. А когда уже все накрыла и поставила, остановилась, рассматривая придирчиво стол, и предупредила, словно извинилась:

– Правда, выпить у меня ничего нет, могу предложить только компот.

– Компот – это чудесно, – бодро согласился с предложением Николай, – тем более что я за рулем и пить все равно не стал бы.

И натюрморт дополнился последним штрихом – красивым пузатым графином с содержимым малинового цвета. Кира устроилась в небольшом кресле напротив Николая.

– Давай уже что-нибудь съедим! – призвала хозяйка.

– И скорее! – поддержал он, усмехнувшись. – А то я думал, умру от запахов этих вкусовостей!

Они с аппетитом принялись за еду, говорили, пока утоляли первый голод о чем-то пустом: разумеется, о взбунтовавшейся погоде, о самолетах и прогнозах, о том, что стихия накрыла полстраны, пока кто-то не произнес первое «а помнишь?».

– А что помнишь ты? – спросила Кира.

– Я? – призадумался Николай, тут же погружаясь в прошлое, как в захватывающий фильм, и усмехнулся. – Я помню все. То лето относится к незабываемым воспоминаниям мальчика-подростка. Видишь ли, ты вызывала во мне такую бурю сексуальных и эротических чувств, которые мужчина помнит всю жизнь.

Вообще-то к шестнадцати годам Николая вряд ли можно было считать подростком, и уж тем более мальчиком. В профессиональном спорте рано взрослеешь, а формируешься еще раньше, особенно в силовых видах спорта, как, например, спортивная гимнастика, которой занимался он.

В то лето он потянул связки на правой кисти и тренер с врачом отстранили его от региональных соревнований и тренировок на три недели лечиться. Для него эти региональные, впрочем, ничего не определяли – Коля и так уже по предварительным зачетам был допущен на юношеский чемпионат страны.

Чтобы не болтался по Москве, когда вся остальная команда находится на сборах и соревнованиях, с согласия тренера его отправили на дачу в Подмоскowie, к тетке.

Бабушки-дедушки у Николая отсутствовали, так уж сложилось. Мама, Вера Максимовна, была сиротой, а отцовская мама, Елизавета Андреевна, бабушка, которую Коля очень любил, умерла, когда ему исполнилось четырнадцать лет.

Собственно, тетя Галя, к которой он приехал, не приходилась им родственницей. Когда-то давно, еще до того, как родители познакомились, она была маминой соседкой по коммуналке и самой лучшей подругой. Коммуналку ту давно расселили, каждый получил отдельную квартиру, а подругами Вера и Галя остались на всю жизнь и были близки, как сестры.

Тете Гале после смерти мужа достался большой красивый дом с участком в дачном поселке, построенном еще во времена Сталина. Как вы понимаете, история этой дачи и самого поселка мало волновала Колю, главное, что здесь было офигенно здорово!

Огромные деревья, река и озеро рядом, старые сады-огороды, липовая аллея, обустроенные площадки для волейбола и футбола и даже полуразвалившийся, но работающий клуб, где по субботам устраивали танцы.

И простор!

Можно было гонять весь день на велосипеде через дикое поле к косограм над речкой и к озеру, по редкому березовому леску, по поселку, плавать, загорать, заигрывать с девчонками, верховодить пацанами, ловить рыбу...

Вот это и называется каникулами!

Николай, вообще не знавший, что такое летний отдых, да и зимний тоже, блаженствовал! Он не представлял, что возможно такое беззаботное состояние души, не знал про простор, про возможность бездельничать и делать что хочешь и когда хочешь, без жестких режимов и расписаний!

Васька, сын тети Гали, ровесник Коли, ввел его в местное сообщество пацанов, где Николай сразу же стал лидером и непререкаемым авторитетом, в первую очередь благодаря накачанным мышцам уже сформировавшейся фигуры гимнаста и не в последнюю очередь своим волевым качествам. Ну вот с Васькой и еще пятерыми пацанами они и отдыхали тогда, пока...

Проснувшись утром, Коля спустился со второго этажа, вышел во двор и замер на крыльце, услышав доносящуюся откуда-то музыку. Живую музыку. Играли на пианино что-то очень красивое.

– Это кто играет? – спросил он у тети Гали, заметив ее в кустах смородины.

– Это дочка Белых, – объяснила она.

– В каком смысле белых?

– Фамилия у них такая, – рассмеялась тетя Галя. – Белые! – И спросила: – Правда, замечательно играет?

– Да, – кивнул Коля, прислушиваясь к льющим звукам музыки. – Заслушаешься!

– Точно! – согласилась тетя Галя. – У нас народ радио, телики выключает, когда она играть начинает! Все ее слушают.

– А где они живут? – полюбопытствовал Николай, уже имея в голове смутный план.

– Так соседи наши, – махнула она указующе рукой вправо, – неделю уж как приехали.

– А почему я не слышал ее раньше? – удивился скорее самому себе Николай.

– Так вы ж с Васькой где? – рассмеялась тетя Галя. – Мотаете с мальчишками с утра до вечера по лесам и речкам, а у нас концерт по расписанию: с одиннадцати утра до двух дня. Это вы сегодня что-то разоспались, слышала, как вчера в два ночи вернулись, – и покачала головой для порядка, забыв сделать строгое лицо, – распустила я вас совсем!

Это точно! Тетя Галя их разбаловала вконец! Огород она не сажала, на даче у них принято было не пахать для зимних заготовок, а истинно отдыхать, утруждая себя лишь необходимыми бытовыми заботами. Мальчишек она не нагружала, так, по мелочам, все за Колю переживала, что парень детства не видел, да и руку ему беречь надо. Вот и пользовались они полной свободой.

– О! Кирюха приехала! – сказал Васька, выходя на крыльцо в одних трусах и жуя прихваченную по дороге булку.

– Так! – распорядился Коля. – Быстро завтракаем, есть дело!

– Какое? – оживился заспанный Васька.

– Культурное, – напустил загадочности Николай.

И уже через полчаса они сидели в первом ряду «концертного зала», под распахнутыми окнами соседского дома, на земле, вытянув ноги, опираясь спинами на теплую, нагретую солнцем стену, за которой стояло пианино, и обедались прихваченными с дерева хозяев сливами. Пройти мимо такого искушения казалось кощунством и грубым неуважением к дачной пацанской вольнице. Крупные желтые плоды, под тяжестью которых ветки пригибались вниз, были сладкими, медовыми, с еле ощутимой горчинкой и просто таяли во рту, отделяясь мякотью от косточки, и совершенно потрясаяще пахли.

Николай объездил полмира, побывал в стольких странах и городах, что все и не упомнишь, но никогда больше за всю свою жизнь не пробовал таких необыкновенных слив. Может, потому, что те были ворованными, а может, потому, что ассоциировались с прекрасной музыкой, или потому, что были первыми и последними сливами его юности, но, скорее всего, потому, что вкус тех медовых слив сопровождал его чувства к девочке Кире Белой.

Когда она закончила играть, мальчишки перелезли через забор и Коля распорядился:

– Давай-ка, Вась, познакомь меня с этой пианисткой!

– Да на фига она тебе сдалась? – подивился кореш. – Ей четырнадцать, она вообще ни о чем, пацанка худая, только и может, что на пианино играть. У тебя ж вроде со Светкой все на мази?

Девушка Света, отдохавшая с родителями на даче, их ровесница, третья разбитная москвичка, давно освоившая радости секса, прилепилась к Коле в первый же день знакомства, откровенно предлагая себя в партнерши по кроватному «спаррингу». Он ее не поощрял, но и не останавливал, пока для себя не решив окончательно, хочет ли с ней переспать.

Такая сдержанность может показаться странной для подростка шестнадцати лет, у которого по законам физиологического развития в голове девяносто процентов занимают мысли о сексе, а остальные десять о возможности его реализации.

Но Коля Крайнов – отдельная история. И уж, поверьте, ему было из чего выбирать, и разнообразия барышень, доступных ему, хватило бы на нескольких сексуально неумных юношей.

– Хочу культурно обогатиться, – туманно пояснил он.

– Что, личный концерт заказать? – хохотнул с намеком Васька.

– Грубый ты, Василий, малокультурный человек, – театрально вздохнул Коля.

– Эт точно, – заржал Васька, – мне б девочку... – и матерно объяснил зачем, – и музыку под это дело забойную, а Шопен для такого занятия вреден, с ритма сбивает.

– Идем, эстет сексуальный, – хмыкнул Коля.

Он всегда был такой – игнорировавший напрочь ритуалы и правила поведения, определяющие, что мальчику дозволено, чтобы не потерять авторитет и не подвергнуть свою мужественность сомнению в глазах других мальчишек и окружающих, а что «не по-пацански», например, подойти и познакомиться с девочкой, если она тебе интересна. Ему эти павлиньи танцы были глубоко до лампочки, чемпионство и лидерство жило у него в крови основной составляющей, что он и доказывал себе и окружающим каждый день самым простым способом – каторжно вкалывая и побеждая! Посему обременять себя такими глупостями, как соблюдение принятых условностей, Крайнов и не собирался. Так он в свое время познакомился с единственным близким другом Аглаей Стрельниковой¹ – подошел и сказал: «Будем дружить!», и это в десять лет,

---

¹ Аглая Стрельникова – героиня романа Т. Алюшиной «Беглая невеста».

на глазах у половины интерната. Потом, правда, пришлось «вручную» растолковывать многим непонятливым, что говорить и даже думать гадости вредно для здоровья.

Коля Крайнов запомнил навсегда момент знакомства с Кирой Белой.

Собственно, он до конца не понимал, зачем ему понадобилось это личное знакомство с девчонкой, тем более, как сказал Васька: «она вообще ни о чем, пацанка худая», а значит, сексуального интереса не представляет. Но что-то в ее игре, музыке вызвало у Коли желание увидеть исполнительницу, пообщаться, бог знает... ну, вот решил, и все. А раз Коля решил...

– Кирюха! – прокричал от калитки Васька, заходя с Николаем на участок, теперь уж с «официальным» визитом. – Выйди!

– Привет! – неторопливо спустилась по ступенькам с крыльца девочка. – Чего кричишь?

– Вот, хочу другу моему показать, кто у нас тут играет, как в консерватории, – объяснил Васька. – Знакомься, это Коля.

– Кира, – представилась девочка и протянула Николаю узкую ладошку.

– Привет, – ответил он и потряс ее руку не сжимая, испугался, что может сломать, – ты здорово играешь. Я подумал, что надо тебе за это цветы преподнести.

– Спасибо, – поблагодарила она так, словно он и на самом деле преподнес ей букет прекрасных цветов.

– Ребята! – окликнула их женщина с веранды. – Идите сюда, пирог поспел!

Пирог они, разумеется, оприходовали, с горячим душистым черным чаем, в насыщенной красноте которого посверкивали солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь листву дикого винограда, оплетавшего веранду. Все о чем-то оживленно беседовали. Все, кроме Коли, изредка поддакивавшего и кивавшего отстраненно.

Он никак не мог отойти от потрясения, от того впечатления, что произвела на него эта девочка Кира Белая.

Она действительно была тоненькая, с длинными ногами, как у новорожденного жеребенка, с небольшой девичьей грудью, обалденной формы, но явно еще растущей, с высокой тонкой шейкой, с узкими ладошками и длинными пальцами. И эти глазищи – огромные, темно-зеленые, загадочные, и милые крупные яркие веснушки на переносице: четыре слева и пять справа, и ореол непослушных волос, странного оттенка, нечто рыжее, или не рыжее, не поймешь. Но при всей этой подростковой несформированности в ней отсутствовала неуклюжесть, угловатость и детская порывистость – она двигалась плавно, даже когда спешила. Не заторможенность или резкость, а именно перетекающие движения, как танец с меняющимися ритмами.

И она потрясающе пахла!

Что-то свежее, напоминающее скошенную зеленую траву и немного луговую медовость разнотравья, и что-то совсем уж не поддающееся описанию, но такое притягательное, от чего постоянно хотелось подойти поближе.

Коля предложил покатать ее на велосипеде, с конкретной целью – они доедут до дальнего поля, она покажет ему, какие цветы ей нравятся, а он соберет и подарит-таки обещанный букет.

Он вез ее через старую липовую аллею. Кира чуть откинула голову ему на плечо, и ее выбившиеся из высокого хвоста на затылке прядки волос щекотали Коле шею, а солнечные лучики, дробившиеся густой листвой деревьев, скакали по ее лицу.

Он чувствовал нечто невообразимое, непередаваемое – и сладкую тянущую боль, потому что Кира вызывала в нем совершенно однозначное мужское желание и, как следствие, эрекцию, от чего ехать на жестком велосипедном сиденье становилось неудобно и больновато, и какой-то восторг от необыкновенности и близкого присутствия этой девочки, и немного кружилась голова от желания и ее запаха. А еще странным образом окружающая действительность стала ярче: насыщенной запахи, нежнее солнце, зеленее трава, звонче звуки!

Кира захватила с собой небольшое покрывало и два яблока. Коля остановил велосипед в самом центре дикого поля. Девочка сказала, что ей нравятся все цветы, но особенно васильки, и, пока он собирал букет, расстелила покрывало и села, непрерывно болтая.

Он смутно помнил их тогдашний разговор, более сосредоточившись на чувствах и ощущениях, столь яркими, сильными и ошеломляюще незнакомыми и насыщенными они оказались. А потом даже ушел подальше в поле, чтобы перевести дух и немного подумать.

Крайнов уже давно вел почти регулярную половую жизнь, претенденток хватало с избытком. Ну еще бы! Первый! Победитель множества соревнований, будущий чемпион Олимпийских игр, гордость и надежда российского спорта!

Фигура! Закачаешься! А какая еще может быть фигура у спортивного гимнаста? Божественная – высокий для его возраста рост, накачанная мускулатура! Генофонд страны в эстетическом ауте от такого экземпляра.

Когда ему еще не исполнилось пятнадцати лет, одна из старшеклассниц, тоже, кстати, гимнастка, приобщила его к радостям секса. Они даже провстречались с полгода, ну а потом нашлась другая подруга, не из спортивных.

Со спортсменками, особенно интернатовскими, у Николая не складывалось, и не потому, что предложений от них не было, здесь как раз ровно наоборот – целые драмы из-за Коли Крайнова разыгрывались в девичьих коллективах. Просто трудно испытывать сексуальные чувства к девчонкам, с которыми бок о бок живешь и тренируешься. Это они на выступлениях, на ковре тонкие, нежные, неземные, легкие и прекрасные. А в тренировочных буднях, когда стираются условные границы, когда каждодневная изматывающая пахота, девчонки вкалывают как каторжные. И травмы, и мат столбом, и никакой эстетики, когда она, бедная, встать не может и сипит надсадно легкими, выложившись до конца, и руки-колени в кровь, и пот литрами – глаза и тренировочную одежду разъедает.

Он по-братски жалел и сочувствовал, и все понимал про их жизнь, сделавшую девчонок взрослыми раньше времени, а вот сексуальные чувства испытывал редко, поэтому и предпочитал встречаться с девушками не из спортивной среды.

Но никогда еще он не испытывал чувств такой насыщенности и силы, которые вызвала в нем девочка Кира!

Две последующие недели они провели вместе. Ну не совсем, чтобы вместе – у нее имелось свое жизненное расписание: помощь по хозяйским делам утром, а с одиннадцати до двух дня музыка. А вот после музыки они садились на его велосипед и уезжали – катались, купались, валялись на пляже, гуляли везде, даже на танцы субботние забрели как-то раз – и разговаривали, разговаривали...

Коля рассказывал про свою жизнь, про то, как родители отдали его в спортивный интернат в семь лет и как он обижался первые годы на них и ужасно хотел домой и не понимал, за что его так наказали. И про тот момент, когда осознал, что родители были правы, момент первой победы на важных соревнованиях – это уж в классе четвертом было...

А Кира ему рассказывала, как ее родители отправили в музыкальную школу, как ужасно не хотелось заниматься, как играть с девчонками хотелось, в куклы и семью, а не сидеть часами за инструментом, но родители заставляли, и мама садилась рядом, когда надо было делать домашнее задание, и как она первый раз прочувствовала, что ей страшно нравится играть...

И о всяком разном, важном и неважном: о любимых фильмах, книгах и животных, о странах, где уже побывал Николай, о планах на будущее и мечтах...

Он стал называть ее Веснушкой, она смешно морщилась на такое прозвище, от чего становилась забавной и очень милой, и Коле хотелось ее еще больше! Хотя куда уже!

Ему постоянно приходилось сдерживаться и устраиваться рядом так, чтобы она не заметила его эрекции – сидеть боком, закидывать ногу на ногу или лежать на животе, когда они загорали на пляже, что, кстати, было ужасно неудобно и даже болезненно.

Разумеется, она интуитивно чувствовала и догадывалась о его мужском интересе к себе, но не понимала этого в истинном смысле, в прикладном, так сказать.

Очень чистая, искренняя, невинная девочка, одухотворенная какой-то совсем неведомой ему жизнью, она вызывала в нем и эротические фантазии, и нежность, и желание защитить и уберечь от грязи жизни, и восхищение талантом, и удивление глубиной ее знаний и интеллекта.

Все эти ощущения, эмоции, перемешиваясь, наслаиваясь, перерастали в такие незнакомые сильные переживания, что порой к вечеру Крайнов уставал так, что проваливался в сон, едва коснувшись головой подушки.

Веснушка неоднократно приглашала его зайти, послушать, как она играет, но он отказывался, загадочно улыбнувшись и объяснив, что и так слушает. Одно дело – сидеть гостем, приглашенным на концерт, соблюдать этикет и мило улыбаться, и совсем другое – вольным свободным «галерочником» поедать сливы у нее под окнами, было в этом что-то хулиганское.

А он и чувствовал себя дворовым мальчишкой-хулиганом, влюбленным в чистую светлую и недоступную девочку из другого социального класса.

А еще он открыл, что музыка способна вызывать в нем такое глубокое потрясение, что становится трудно дышать, наворачиваются слезы, бегут мурашки по телу и щемит в груди.

Много лет спустя, когда от боли он не мог уснуть, они как-то беседовали ночью с Григорием Павловичем, и у них зашел разговор о женщинах.

– Трудно отличить любовь от страсти, – сделал вывод Коля, рассказав о своих отношениях с девушкой, бросившей его после травмы.

– Любовь созидает, а страсть разрушает. В страстях человек хочет брать, а в любви отдавать. А распознать просто: ты хочешь не для себя, а для этого человека, и ты испытываешь нежность. Только, чтобы это понять, приходится все пройти – и страсть, и любовь и предательство, – ответил Григорий Павлович, без назидания, а как о понятном и прожитом.

В тот момент Николай вспомнил далекую девочку Киру.

И самое сильное эротическое переживание в своей жизни, неосуществленное, тайное, сдерживаемое жаркое желание, и не менее сильное чувство нежности к этой девочке, и потребность защитить, уберечь от всего не свете.

Странно, но он никому не рассказывал о своих чувствах к Кире, пережитых тогда. Даже Аглае, самому близкому другу, по сути, сестре, от которой у него почти не было секретов, кроме, понятное дело, чисто мужских. Рассказал в общих чертах, что познакомился на даче с девочкой Кирой, которая здорово играла на пианино, и про то, как с мальчишками воровали сливы и слушали ее игру, и разные веселые дачные истории, приключившиеся летом. А вот все перечувствованное, светлое и темное, болезненное оставил в себе.

Ясное дело, что сейчас, вспоминая с Кирой их детское лето, он не открыл ей до конца всей глубины и силы пережитых тогда чувств, промолчал и о том, какой глубокий след они оставили в его жизни. Лишь в легкой ироничной форме упомянул, что необыкновенная девочка Кира вызывала в нем сексуальное желание и влюбленность.

Через две недели Николай уезжал. Он пришел к Кире и подарил большой букет васильков, которые собирал несколько часов в поле.

– Ну, пока, Веснушка, – попрощался он, – я приду на твой концерт, когда ты станешь знаменитой пианисткой.

– А я приеду на Олимпиаду, где ты станешь олимпийским чемпионом, – грустно пообещала в ответ Кира.

– Значит, скоро встретимся, – усмехнулся Николай.

Ну, вот они и встретились через пятнадцать лет в аэропорту.

– Спасибо за ужин, все было необыкновенно вкусно! – поблагодарил он, резко обрывая тему, и бодро предложил: – Давай, что ли, уберем со стола?

Попытался скрыть некую скованность от воспоминаний и признаний, пусть и не полных откровения, но...

– Да, конечно! – согласилась быстро Кира, сама немного смутившись почему-то.

Ну, это понятно! По сути, они два незнакомых человека, со своими тайнами, переживаниями и жизнями, случайно встретившиеся в аэропорту, застигнутые непогодой. И неважно, что их объединяют далекие детские светлые воспоминания, сейчас они просто незнакомцы, и совсем уже не те мальчик и девочка.

Хотя...

– Ну а что помнишь ты? – спросил непринужденно Николай, взявшись вытирать посуду, которую она мыла, и предпринял попытку предложить шуточный тон ее рассказу. – Или великие пианистки не помнят о таких мелочах, как влюбленные мальчики в далеком детстве?

– Не знаю, как великие пианистки, а я помню все, каждый день тех двух недель, – очень серьезно ответила Кира.

Старое заслуженное, разваливающееся пианино папа привез на дачу еще прошлым летом, купив у кого-то за полцены. Целая эпопея!

Он долго договаривался с нужной машиной, никакие грузовики ему не подходили. Чтобы окончательно не «убить» инструмент тряской в дороге, нашел наконец «Газель» с пожилым водителем, который и помог перетащить пианино в дом. Известный настройщик Михаил Абрамович, седой, толстенький и ужасно важный, после долгих уговоров доставленный папой на дачу с особым пиететом и почтением, настраивал пианино и ворчал:

– Да вы девочке слух испортите! Как можно играть на таком инструменте? Им лучше печку топить!

Но настроил, еще как!

И почти целое лето Кира ублажала слух дачников музыкой. Основную, заданную на лето программу предстояло разучивать лишь в августе, вот она и музицировала в удовольствие, исполняя любимые произведения. На зиму пианино с максимально возможной осторожностью перетащили к деду Петру, который постоянно жил в поселке. На следующее лето процесс транспортировки в обратную сторону, то есть на дачу Белых, повторился, и Кира, как только приехала, села за инструмент.

В свои четырнадцать она уже вполне виртуозно исполняла сложные произведения и мечтала стать великой и известной.

Хорошая мечта для такого возраста, и главное, вполне реальна – талант у нее явно имелся, и на следующий год Кира собиралась поступить в Мерзляковку.

Это по-простецки, а официально: «Академический музыкальный колледж при Московской консерватории имени П. И. Чайковского», а Мерзляковка, потому что расположен на улице Мерзляковский переулок.

Вот так все серьезно у девочки Киры Белой.

Первую встречу с Николаем Крайновым Кира запомнила на всю жизнь! Как и каждый день тех двух недель, проведенных с ним.

Когда соседский Васька позвал ее из дома, она вышла на крыльцо и увидела ЕГО... Больше она не замечала ничего и никого вокруг и не помнила, что говорила и отвечала!

Он был красив, как олимпийский атлет, как молодой языческий бог! Высокий, с накачанной великолепной мускулатурой, Коля производил впечатление чего-то нереального, не из обычной жизни – герой голливудских фильмов про Спартака или олимпийских богов. Темно-русые, коротко стриженные волосы, светло-карие глаза, чуть удлиненное лицо, волевой под-

бородок, в принципе, довольно простая, не отличающаяся красотой внешность, но Кире он казался самым изысканным и невозможным красавцем! Красивее просто не могло быть, и все!

И он повез ее на велосипеде в поле, чтобы нарвать для нее букет!!!

Вы представляете?!!

Это воспоминание всегда жило в ней! Всегда!

Они ехали по липовой аллее, Кира сидела впереди Коли на раме, она чуть откинула голову ему на плечо, прикрыла глаза и плыла через счастье!!

Солнечные лучики пробивались через яркие-яркие изумрудные липовые листья и, словно поглаживая, скакали по Кириному лицу, пахло отцветающей липой, от Колиного торса исходил жар, и от слегка уловимого запаха его кожи у нее чуть кружилась голова!

И это было такое сильное, такое непереносимое счастье, которое просто невозможно было вместить полностью!! И сладостно колотилось сердчишко, и будоражила тайна: «Что дальше?», и ужасно хотелось прижаться к нему, вдохнуть поглубже его запах и потрогать пальцами кожу...

Невозможно передать в полной мере словами, что она тогда чувствовала – это было настолько бездонно, настолько перенасыщено, что ей казалось, она парит над землей, став от радости и счастья искрящейся и невесомой!!

Когда он ушел подальше в поле, собирая цветы, Кира даже обрадовалась немного. Ей срочно надо было перевести дух, иначе сердце просто лопнуло бы от всех чувств и ощущений, переживаемых ею. А чуть отдышавшись, девочка Кира подумала, что в Колином поведении есть какой-то подвох. Ну не может такой прекрасный юноша заинтересоваться угловатой девочкой, да еще такой, как она!

К четырнадцати годам Кира хоть немного начала формироваться в девушку, видел бы он ее в прошлом году! Худая, плоская, с длинными руками-ногами, и нос широкий какой-то стал – ужас! Сейчас хоть грудь начала расти и коленки не так выпирают, и нос приобрел нормальную форму, но все равно! А еще эти ужасные веснушки!!

Она никогда не пользовалась вниманием противоположного пола, мальчишки над ней посмеивались и зло шутили, да и вообще с ровесниками она сходилась трудновато.

Лет в восемь у маленькой Киры поменялось отношение к музыке. Трудная обязанность, которую заставляли ежедневно исполнять родители и учителя в музыкальной школе, незаметно и неожиданно превратилась вдруг в увлекательнейшее занятие, раскрывавшее перед девочкой особенный тайный мир и захватившее Киру целиком. Теперь она постоянно напевала что-то, всякий раз представляя, как должны стоять на клавишах ее пальчики во время исполнения этой мелодии.

Так вот получилось, что, ощущая себя длинноногим аистом, она к тому же была несколько не от мира сего – могла проехать остановку, мысленно, про себя, проигрывая пьесу, забывала везде вещи, застигнутая этим же занятием, мало интересовалась всем, что занимало ее ровесников. Словом, не вписывалась в обычный мир подростков.

Изгоем Кира себя не чувствовала, у нее имелась замечательная семья: мама, папа, старший брат и друзья из музыкальной спецшколы, куда ее перевели после второго класса, и музыка. А жизнь и модные увлечения современных подростков ее просто не интересовали.

И вдруг внимание такого парня! Что-то в этом не так!

Злые шутки мальчишек Кира испытала на себе не раз, и знала, что эти гаденыши бывают очень изобретательны в своих издевательствах. Но зачем, спрашивается, та-ко-му парню, как Николай, затевать с ней какую-то каверзу? А?

Да ему стоит улыбнуться, и все самые сексапильные красавицы его! Что может ему понадобиться от такой никакой девочки: аиста, нескладухи и малолетки?

Немного притушив искрящуюся радость, Кира пару дней настороженно присматривалась к Коле, ожидая тайного недоброго умысла, подвоха. А на третий день расслабилась, поверив в искренность его интереса к ней.

Поверила и впустила в себя все это счастье, радость небывалую, переполненность эмоциями, чувствами... А как она тогда играла!!

Она еще никогда не играла столь сильно и страстно!

А после того как папа по секрету сообщил ей, что мальчишки каждый день перелезают через забор и слушают ее исполнение прямо под окнами, в Кириной игре прибавилось и чувственной глубины. Она словно погружалась целиком в произведение и играла только для него, для Коли!

Они говорили обо всем, он катал ее на велике и рассказывал про свою жизнь, про подругу Аглаю, про тренировки и соревнования, про то, что ему нравится и не нравится, про фильмы и книги, про все на свете!

И в какой-то момент Кира забыла про свою угловатость и некрасивость – Николай Крайнов сотворил с ней чудо: Кира Белая почувствовала себя интересной, женственной, способной не просто нравиться мальчикам, а вызывать у них влюбленность. И всем этим благоприобретенным новым женским существом она чувствовала, понимала, что Коля увлечен ею, влюблен и она вызывает у него желание.

Разумеется, Кира не была до такой уж степени оторванной от жизни, чтобы не понимать такие вещи, как сексуальность. На дворе стоял девяносто шестой год, который со всей помочной откровенностью изливал на подростков из всех массмедиа порнографическую грязь, и не знать про низменное при всем желании не получилось бы.

А в Колином отношении к ней было нечто возвышенное, и чистое и сексуальное одновременно. И, конечно, она не могла не заметить, как физически он на нее реагирует, пару раз увидев его эрекцию, старательно им скрываемую. Она тоже старательно делала вид, что не замечает.

Кира раскрылась, расцвела, влюбилась страшно, до счастливых слез в подушку, до самозабвенной игры на пианино, до полного растворения в музыке своих чувств, любви...

Боже, Боже! Как же она была счастлива, как сильно любила, со всем девчоночьим пылом и страстью!

И Боже, Боже, какое же это было непередаваемое счастье!

Она на всю жизнь запомнила каждый день, каждый час тех двух недель, и эта чувственная память изменила всю ее жизнь и помогла выстоять в самые страшные, трудные моменты!

Николай, сам не осознавая того, сделал Кире великий подарок – разбудил в ней врожденную женственность, повысив самооценку, и, как рыцарь в серебряных доспехах, уничтожил все ее накопившиеся комплексы.

Это не просто подарок – это бесценный дар! И она бережно его хранит.

Когда они прощались, Коля преподнес Кире огромный букет васильков. Девочке было ужасно больно от расставания и обидно, но чем-то неведомым, глубинной интуицией творческой личности она понимала, что им не надо продолжать встречаться дальше, когда закончится лето, когда они вернутся в Москву.

Та чистота и высота чувств и эмоций, преподнесенных ей Николаем, притупится и опошлится в обыденной жизни и неизвестно чем закончится, ведь ее тоже физически тянуло к нему со всей новой открытой женской чувственностью, с неизменным притяжением тайного, запретного... Кира не смогла бы словами сформулировать причину невозможности их дальнейшего общения. Только чувствовала.

Все в ней изменилось после встречи с Николаем. И вот уже мальчишки бегали за Кирой и влюблялись, и письма писали, и прохода не давали, бессознательно считывая таинственность

и очарование, так внезапно обретенные ею. И игра ее приобрела такую глубину и силу, что преподаватель все восхищался и частенько даже аплодировал.

И самое главное, никакие подростковые проблемы взаимоотношений и комплексы неполноценности даже намеком больше ее не касались и не волновали – она жила в абсолютной гармонии с самой собой. Ведь если в нее был влюблен ТАКОЙ парень, то мнение ровесников, и мальчиков и девочек, по поводу ее внешности или поведения глубоко до лампочки!

И только теперь она оценила еще один неосознанный дар Николая – полную свободу от мнения окружающих!

Имелась и оборотная, негативная сторона этой новой Киры. Увы, ей категорически не нравился ни один молодой человек еще долгие годы. Знаете, когда побывал в отношениях, пусть и недолгих, с человеком необыкновенным, сильным, высшей пробы, то разменивать чувства на что-то, по твоим меркам, не столь яркое и впечатляющее, никогда не станешь. Никогда! Уж лучше сохранить внутри высоту и высшую пробу чувств, чем довольствоваться суррогатом!

Они сидели в полутьме на диване, смотрели на горевшую свечу, погружившись в прошлое. Кира, помолчав немного, тихо призналась:

– Знаешь, я тебе всегда была благодарна. Тем летом ты открыл мне саму себя, другую: смелую, свободную от комплексов и оценок окружающих. Мне не надо было переживать трудный подростковый период, у меня его просто не было, я вполне себе нравилась, глупостями голову не забивала, что позволяло мне не отвлекаться от любимого дела.

– Я думаю, – тихо ответил Николай, – ты бы и без меня справилась. Ты и тогда уже была сильной девочкой и очень интересным, глубоким человеком.

– Наверное, – согласилась Кира, – но без шишек и болезненных уроков не обошлось бы. – И, загадочно улыбнулась: – Я ведь следила за твоими успехами. Не в смысле фанатичной любви к известному человеку, а издали, отстраненно. И никому никогда не рассказывала, что была с тобой знакома, это слишком личное. Как бы сказать, – она сделала плавный жест рукой, подбирая определение, – такое теплое, очень светлое воспоминание из прекрасной юности. А однажды ходила на финал чемпионата России, где ты занял первое место. Болела за тебя от души, даже горло сорвала, так кричала. Когда выпадала возможность, смотрела соревнования по телевизору и радовалась твоим победам.

– Это все в прошлом, – ровным голосом, без эмоций, сказал Крайнов.

– Я понимаю, – грустила Кира, поколебалась пару секунд и все же решила еще на одно признание, старательно выстраивая фразы, понимая, что затрагивает непростую тему. – Я переживала ужасно, когда узнала про твою травму, и следила за любыми новостями о тебе. В церковь ходила, заказала молебен за здоровье и свечи ставила Николаю Чудотворцу. И ни на секунду не сомневалась, что ты выиграешь и этот поединок. Знала, что ты победишь, мне просто очень хотелось хоть как-то тебя поддержать.

– Спасибо, – поблагодарил искренне Николай и неожиданно улыбнулся: – Ты не старайся так осторожненько говорить, эта тема давно перестала быть для меня болезненной и тяжелой.

– Ну вот, я не ошиблась! – тихо рассмеялась Кира. – Ты победил, и не только саму травму!

– Но мы об этом говорить не будем, ладно? – все улыбался Коля. – Просто потому, что это длинная и отдельная история, – и перевел разговор в другое русло. – Ты лучше скажи, стала великой пианисткой?

– Нет, – ответила Кира и, увидев, что в выражении его лица появилась некая смущенность, на сей раз рассмеялась громко. – Ты тоже можешь не осторожничать словами! Великой пианисткой я не стала, у меня открылся иной талант. Ксения Петровна утверждает, что гениальность. Обнаружилось, что лучше всего у меня получается учить музыке других и растить выдающихся исполнителей.

– А почему у тебя дома нет инструмента, я бы с удовольствием послушал твою игру? – спросил Коля, расслабившись после ее пояснения.

И тут же понял, что попал в какую-то непростую и весьма чувствительную для Киры тему, – она перестала улыбаться, легкая тень скользнула по лицу, потухли глаза. Ого! Тут какая-то история у нас!

– Большую часть времени я провожу на работе, там и играю, а дома мне некогда, да и соседей жалко, – неуверенно ответила Кира.

То, что она врёт, было ясно как божий день, у нее это совсем плохо получалось, но Коля попридержал мгновенно возникшее желание докопаться до истины и снова перевел разговор на другую тему:

– А твоя преподавательница просто погостить должна была прилететь?

– Ксения Петровна? – сразу просветлела лицом Кира, и снова сверкнули радостью глаза, и она принялась с восторгом объяснять: – В гости, но не совсем. Я преподаю в музыкальном колледже для одаренных детей, и у меня есть два ученика, совершенно уникальных мальчика. Уверена, это будущие мировые знаменитости. На следующей неделе, в среду у нас состоится показательный концерт, в преддверии Нового года, где мои ребята будут выступать с большой программой. Это ежегодный итоговый концерт, что-то вроде экзамена по специальности, вот я и попросила Ксению Петровну посмотреть моих мальчиков. Понимаешь, я, как любой преподаватель, влюбленный в своих учеников и проводящий с ними многочасовые ежедневные занятия, могу что-то упустить. И здесь важно мнение со стороны, особенно такого великого педагога, как Ксения Петровна.

– А ты сама будешь выступать на этом концерте? – живо заинтересовался Коля.

– Я? – удивилась Кира его вопросу. – Ну, не то чтобы выступать, буду его открывать Моцартом.

– А прийти послушать можно?

– Ты серьезно? – совсем растерялась Кира. – Зачем тебе это? Там выступают дети пятнадцати-семнадцати лет, и далеко не все идеально играют, хоть и одаренные.

– Я же сказал, что хотел бы послушать твою игру, – пояснил Николай, – что-то вроде ностальгии по прошлому.

– Ну, можно, конечно, – растерянно ответила Кира.

А он вдруг неожиданно спросил, окончательно обескуражив и без того пораженную Киру:

– Слушай, а как вы с Ксенией Петровной договорились, чтобы она этих твоих ребят посмотрела?

– Я организую видеосъемку, а после праздников сама поеду в Москву, и мы вдвоем посмотрим и обсудим все подробно, – объяснила Кира.

– А давай я друга попрошу, он профессиональный оператор и живет здесь, он все классно снимет, – предложил спокойно Коля.

– Да ты что? – Кира от радости даже подскочила с дивана. – Серьезно? Ты сможешь это сделать?

– За контрамарки на концерт, – рассмеялся Николай.

– Да какие контрамарки! – возроптала Кира. – В первый ряд посажу, как самых важных гостей!

– Ловлю на слове! – рассмеялся ее горячности он. – Давай объясняй: где, во сколько.

Кира порассматривала его пару мгновений, ушла в угол прихожей, пошуршала там чем-то в сумочке, вернулась, села рядом с Николаем и протянула ему визитку:

– Вот, здесь адрес и электронная почта колледжа.

На визитке значилось: Петрова Кира Владимировна, ниже: «старший преподаватель по классу фортепиано», еще ниже название и адрес учебного заведения, номера телефонов, сайт.

Значит, Петрова! Не Белая. Понятно.

– А номер твоего телефона и адрес электронной почты? – спросил он и пояснил: – Я же не с директором или секретарем буду договариваться, а с тобой.

Она назвала, но предупредила:

– У меня компьютера дома нет, я пользуюсь рабочим, поэтому связаться по электронке со мной можно только днем, и то, когда я не на занятиях. Неудобно, в общем.

Дома у нее много чего нет из того, что должно было бы иметься, и это вызывало у Крайнова неизбежные вопросы, пробуждая любопытство и твердое желание докопаться до ответов. Ну, это он обязательно сделает!

Вот только присмотрится внимательнее к девушке Кире, которая перестала быть Белой и стала Петровой!

– Ой! – вдруг вспомнила Кира. – Мы же совсем забыли про твоих родителей!

– Точно! – кивнул Николай.

Достав телефон из кармана брюк, посмотрел время и чертыхнулся про себя: два тридцать ночи!

– Бать, ну что там у вас? – спросил, когда отец взял трубку.

Кира смотрела на него, пока он разговаривал и что-то не очень довольно отвечал, и поражалась странности судьбы: ну надо же вот так встретиться, и болтать полночи напролет, и делиться воспоминаниями, и немного откровенничать, и даже договориться о следующей встрече! Как же странно!

– Ладно, пока, – попрощался Николай, закончив разговор, и повернулся к Кире: – Как и ожидалось, рейс отложили до пяти утра, но они все-таки решили лететь.

– А что за срочность? – заинтересовалась Кира.

– У отца день рождения, – принялся объяснять Николай. – А после того, как я поселился в «Метели», у нас стало традицией все праздники отмечать у меня в поселке. Вот они и взяли пару выходных, чтобы прилететь, они же оба работают. А на Новый год родители собрались в Таиланд и путевки уже купили.

– Это замечательно! – порадовалась и отчего-то загрустила Кира, и озаботилась пришедшей неожиданно мыслью. – Слушай, если у них самолет в пять, то около семи тебе их надо встречать?

– Ну да, – кивнул Николай, не совсем понимая, к чему она клонит.

– То есть в шесть надо выехать? – больше с собой размышляла Кира и решение огласила: – Тогда тебе надо ложиться спать, уже почти три часа ночи!

– Да, наверное, надо, – согласился Николай без должной решительности.

Ему не хотелось заканчивать разговор и нарушать их уединение в приглушенном свете торшера и мерцающей свечи, когда за окном вьюжит и метет. Как она сказала в машине? «И ты в домике».

Но поспать действительно надо, еще ехать домой по трудной заснеженной трассе.

М-м-да, надо!

Кира выдала Николаю чистое полотенце и новую зубную щетку в упаковке и, пока он умывался, постелила на диване. Появилась неизбежная легкая скованность, которая возникает, когда ты гостем неожиданным сваливаешься к малознакомым людям, и они стелют тебе постель, показывают, что и где находится, и вам всем немного неловко – тебе доставлять неудобство, им получать это неудобство...

Кира прошла после него в ванную, долго там плескалась, вышла, стараясь не шуметь, улеглась в кровать и выключила свет.

– Спокойной ночи, – шепотом пожелала она.

– Тебе тоже, – отозвался Николай.

Ну что, отбой? Спать? Ироничное: ага, с издевкой!

Какое спать?! Когда обострились все чувства и каждой клеточкой организма она чувствовала его близкое присутствие! Кира и предположить не могла, что можно так остро чувствовать человека на расстоянии – всей кожей, всеми помыслами и стремлениями, всеми пробудившимися инстинктами.

Она старалась дышать как можно тише, замерла, не делая ни одного движения, прислушивалась к любому шороху, доносившемуся с дивана, и честно признавалась себе, что всем, что есть в ней женского, ее неудержимо тянет к Николаю.

Господи, боже мой! Да что же это такое?! Вот в жизни ничего подобного не испытывала!

Неверно было бы сказать, что Коля Крайнов являлся мужчиной всей ее жизни и ее мечты. Так получилось, что несколько лет после их встречи она невольно сравнивала всех мальчиков с ним – ну, это естественно и нормально, все-таки первая любовь, и какая!

И ра-зу-ме-ет-ся, все представители противоположного пола проигрывали это сравнение. Николай стал эталоном не столько мужской красоты, сколько примером того, как должен вести себя парень с девушкой – ухаживать, оказывать знаки внимания, ну и все такое.

Кира не пребывала в иллюзиях и несбыточных мечтах, не ждала новой встречи и продолжения отношений – нет, боже упаси!

Безусловно, Николай сыграл огромную роль в ее жизни, и она хранила дорогие воспоминания, но без ожидания продолжения, без пустых девчоночьих надежд. Зачем? Какой-то внутренней врожденной мудростью, часто дарованной творческим личностям, она понимала, что не нужно превращать в обыденность прекрасную сказку, в которой ты побывала.

Ну, например, ее преподаватель Ксения Петровна – Кира восхищалась ею, благоговела, готова была заниматься с ней сутками, осознавая масштаб гения этой личности, но это же не значило, что она хотела бы жить с ней, разделять быт и повседневные заботы.

Корявое, конечно, сравнение, но близкое к тому, что Кира испытывала к Коле Крайнову. Она смотрела по телевизору его выступления и интервью, и на душе становилось тепло от мягкой приятной мысли, что такой мужчина был ее первой девичьей любовью. И все! Без продолжений и мечтаний – приятно и тепло, и точка.

Когда Кира услышала в новостях, что Крайнов получил тяжелую травму, так испугалась за него, переживала ужасно, даже играть не могла. Ей хотелось как-то поддержать, ободрить, что-то для него сделать. Она целый день бродила по городу, зашла в три разные церкви, поставила Коле свечки за здоровье и заказала службу, ее немного отпустило. А проходя мимо какого-то магазина, увидела в витрине такую шkodную и милую плюшевую обезьянку, что застыла от неожиданной мысли.

Кира вспомнила, как Коля, отвечая на ее вопрос, какие животные ему нравятся, сказал:

– Ну, хищники, львы, тигры – такая сила и грация. Но еще я могу часами наблюдать за обезьянами. Наверное, потому, что я гимнаст. Мне нравится их врожденная пластика: как они подтягиваются, как владеют своим телом, распределяют вес в движении.

Кира тут же зашла в магазин и купила эту обезьянку, а вернувшись домой, смотрела на нее и, недоумевая, размышляла: а как же она передаст ему эту игрушку?

А ничего нет проще – больницу, куда доставили Николая, сто раз на дню показывали в новостях, и интервью у его лечащих врачей брали. Ну, ладно, куда ехать понятно, а стоит ли? И решила подождать.

Кира каждый день просматривала в Интернете новости о состоянии Николая и по телевизору не пропускала, но день ото дня их становилось все меньше, а через неделю горячая новость о травме великого спортсмена и вовсе стала пропадать из информационного поля. Через две недели она смогла выловить лишь короткое упоминание о том, что состояние Николая Крайнова остается неизменным, но его уже перевели из палаты интенсивной терапии.

Вот тогда она и поехала, по дороге купив в магазине большой букет садовых васильков и маленькую открыточку, долго стояла и думала, что написать. Слова ободрения? Наверняка его уже тошнит от них. И тогда она написала: «Ты победишь и это! Ты обязательно справишься!» – и, не желая обозначать себя подписью, лишнее это, и никому не нужно, подписала: «С молитвой о тебе».

Прочитала и расстроилась, настолько ей показалось это высокопарно и вычурно, но переписывать не стала, оставила как есть. А в приемном покое милостивая медсестра средних лет раздраженным тоном попрекнула Киру:

– Что-то вы подзадержались, девушка, остальные барышни уже и ходить перестали. – И махнула куда-то в угол рукой.

Кира проследила за жестом и увидела сваленные в кучу на столе, стоявшем у стены, мягкие игрушки, упакованные коробки подарков, цветы в горшках, конверты с открытками, и сразу сообразила, что так раздражило медсестру.

– Вы не поняли, – улыбнулась мило Кира и придумала на ходу, – я не из отряда буйствующих фанаток. Я от одноклассников Николая, мы хотели поддержать его, сказать, что мы с ним и поможем, если надо.

– А-а! – кивнула сразу подобревшая женщина. – То-то я смотрю, вы постарше этих шпингалеток будете. – И, подозвав поближе Киру жестом руки, склонилась к ней и заговорщицки предложила: – Вы тогда в пакет отдельный сложите, что принесли, и надпишите на нем: «От одноклассников», я сама через полчаса отнесу.

– Спасибо вам большое! – от души поблагодарила Кира.

Где-то через полгода она прочитала заметочку на сайте спортивных новостей, что Николай Крайнов, отказавшийся от традиционного лечения, наперекор всем врачебным диагнозам достиг серьезных подвижек в исцелении. И все!

Каких подвижек?

Но в жизни Киры происходили такие события, что выискивать крупницы информации о самочувствии Николая она уже не могла. Но он присутствовал незримо в ее жизни, освещая чистым светом воспоминаний все страшное и мутное, что творилось тогда с ней.

А где-то года три назад, на одном из телевизионных каналов, она увидела интервью с его бывшим тренером, который упомянул про Колю в том ключе, что настоящий спортсмен – он во всем боец, вон Крайнов: смог встать и вернуться к полноценной жизни, невзирая на прогнозы врачей.

Она расплакалась от радости.

Николай всегда присутствовал где-то на периферии ее сознания, но никогда Кира не думала о нем как о мужчине, с которым она мечтала бы соединить судьбу, заниматься любовью, жить. Некий светлый образ, и все!

И вот на тебе! «Светлый образ» спит на ее диване и вызывает в ней самые жгучие, странные и весьма однозначные желания! Это что такое?

После того как, вернувшись из ванной комнаты, Кира легла, повертелась немного, устраиваясь поудобней на ночь, из альковного угла больше не донеслось ни звука, Николай даже ее дыхания не слышал.

Он ее хотел. Сильно.

Когда они разговаривали и сидели достаточно близко на диване, Коля не один раз подумывал поцеловать ее, а дальше – как получится, но каждый раз останавливал себя, хотя соблазн был велик: эти ее губки припухлые, наклон головы, дыхание, грудь – э-эх!

Но в воспоминаниях, которыми они делились, было нечто светлое, чистое, вызывающее тонкую грусть, и приземлять это прямолинейным мужским напором совсем не хотелось.

Но хотелось ему Киру сильно. Пожалуй, он и не помнит, когда испытывал такое сильное влечение к женщине.

Николай даже развеселился и хмыкнул про себя: история повторяется – он ее хочет, у него навязчивая эрекция, а нельзя! Ну, не совсем чтобы нельзя, он прекрасно понимал, что если сейчас встанет и пойдет к ней, то, скорее всего, у них все прекрасно получится. Он же видел, чувствовал, что нравится ей и ее влечет к нему, и хоть Кира смущается немного, что нормально для такой изысканной девушки, но вряд ли бы оттолкнула его, если б он решил идти в атаку.

Нет. Это было бы неправильно. Это испортило бы красоту и значимость того, что происходило с ними в юности, почему-то он так чувствовал.

Ничего, он потерпит! Он обязательно ее заполучит, но не так прямолинейно и сразу. Она нравилась ему необычайно и столь же сильно интриговала своей загадочностью. Что у нее произошло в жизни? Почему живет здесь? Ведь если Кира такой одаренный педагог, то ей самое место в столичных учебных заведениях или в европейских. Вы вообще многих благополучных москвичек знаете, делающих карьеру, переселившись в российскую глубинку? А выдающихся пианисток? Ну пусть не пианисток, а преподавателей консерваторских?

Нет, у них здесь тоже не пространственная дыра на теле страны, а крупнейший областной центр, с большими возможностями, но не Москва же!

Что, неудачно вышла замуж? Уехала? А ее квартира вызывала еще больше вопросов. Ну, предположим, почти все время ты проводишь на работе, но есть же и выходные и вечера, когда требуется отдохнуть, в том числе и душой. И ни любимых памятных вещей, ни фотографий, ни женских журналов, ни украшений каких-то?

Ладно. Он со всем разберется и найдет ответы на все многочисленные вопросы. Отпустить от себя Киру Николай Крайнов не собирался. Он собирался накрепко привязать к себе эту девушку. И вполне серьезно!

Но один вопрос особенно не давал Коле покоя и навязчиво буравил в мозг.

Когда он попал в больницу с травмой, огромное количество людей приходили и приносили какие-то передачи, игрушки, цветы, открытки, особенно старались околоспортивные девочки-фанатки, эти и плакаты под окнами растягивали, и кричали, пели, скандировали его имя. Медперсонал складывал все, что они приносили, на большой стол, который специально поставили в приемном отделении, а Аглая и мама вечерами сортировали передачи, расставляли цветы, читали послания, но почти все – игрушки, фрукты, соки, комнатные растения относили в детское отделение.

Николай тогда практически постоянно находился под капельницей на обезболивающем и снотворном и не вникал в то, что происходило вокруг. Через две недели его перевели в отдельную палату и сняли с интенсивного обезболивания. К тому моменту поток посетителей сильно поубавился, но это отдельная тема.

Как-то вечером в палату пришла медсестра из приемного отделения, о чем-то пошептала с Глашкой, дежурившей возле него.

– Стрелка, что там? – спросил Коля.

– Тут что-то странное, – подошла к нему Аглая и протянула большой целлофановый пакет, на котором было написано фломастером: «от одноклассников».

Все его одноклассники были выпускниками спортивного интерната, большинство из них составляли члены его команды и передачи приносили самолично, без помощи медперсонала.

Аглая извлекла из пакета букет ярко-синих васильков и симпатичную веселую плюшевую обезьянку и протянула Николаю.

– Ты что-нибудь понимаешь? – поинтересовалась подруга, заглянула в пакет еще разок. – А, вот и записка.

Она усадила возле Коли на кровать обезьянку и протянула ему маленькую открыточку. Он подержал какое-то время кусочек картонки в руке и, собравшись с силами – каждое движение давалось болью, – развернул открытку. Четким и красивым почерком там было написано: «Ты победишь и это! Ты обязательно справишься!» – и ниже, вместо подписи: «С молитвой о тебе».

– Ну, – нетерпеливо спросила Глашка, – от кого это?

– Не знаю, – бессильно уронив руку на кровать, признался он.

Ночью, когда от боли невозможно было спать, в голове крутилась эта фраза: «С молитвой о тебе», и Николай все пытался понять, кто мог передать ему такой своеобразный подарок и послание. Ему казалось, что он знает. Стоит только поднапрячь память – и вот-вот он поймет и вспомнит что-то важное, но боль сжирала и память, и мысли, и такое близкое понимание ускользало.

Он попросил Глашку оставить в палате эту смешную обезьянку и нет-нет да и поглядывал на нее. Глашуня, такая умница, заметила и посадила, как бы невзначай, обезьянку на угол кроватной спинки. Никто не знал, но иногда ночами, когда темнело в глазах от страшной непереносимой боли, он прижимал к себе эту игрушку, а в голове крутилось: «С молитвой о тебе», и казалось, что становится немного полегче от осознания, что кто-то неведомый молится о нем.

А однажды он увидел во сне дикое поле в цветущем разнотравье, толстого шмеля, севшего на голову девочке, и как Коля рассказывает ей, что ему нравятся обезьянки за их гибкость, а она смотрит на него влюбленными зелеными глазами, и у нее симпатичные веснушки и облупившийся от загара носик.

Он проснулся и сразу понял – это от девочки Киры, той далекой летней девочки, которая играла на пианино.

«С молитвой о тебе!»

Эта обезьянка до сих пор у него хранится, она прошла с ним все реабилитации, все лечение и восстановление и стала неким тайным символом исцеления, победы, приняв на себя и слезы, и вой, и много чего... – эта обезьянка и светлые воспоминания.

И когда Кира, рассказывая, как переживала за него, не упомянула, что приходила в больницу и передала этот подарок, Николай почувствовал разочарование и недоумение. Словно его обманули. Это странно, наверное, звучит, но обезьянка ассоциировалась у него только с Кирой, со всем лучшим, настоящим, во тьме отчаяния и боли он подсознательно цеплялся за самые сильные и счастливые воспоминания, как за точку опоры.

А выяснилось, что это не от нее! Неприятное ощущение! Как будто обманули в чем-то очень значимом.

– Кира, – тихо позвал Коля, не успев и сам сообразить, что делает.

– Да? – чуть помедлив, ответила она.

– Ты приходила ко мне в больницу? Ну, тогда? – И напрягся в ожидании ответа.

– Да, – еще раз помедлив, ответила Кира.

– Та обезьянка была от тебя?

– Да, – в третий раз сказала она, – и букет васильков.

– И записка, – растекся улыбкой Николай, – «с молитвой о тебе».

– Да, – повторила она.

«Все правильно!» – подумал Коля, чувствуя, как теплой волной прокатило по телу расслабление.

Ожидая родителей, Крайнов позвонил Славе, который работал на местном областном телевидении оператором и был заядлым охотником и рыбаком. К Николаю Слава относился чуть ли не как к гуру – с восторженным почитанием.

– Слав, привет, не разбудил?

– Что вы, Николай Алексеевич! – обрадовался Слава.

– Вот и хорошо. У меня к тебе просьба, Слав.

Он изложил суть проблемы, дал телефон Киры, чтобы они могли сами обсудить все детали, и напоследок поинтересовался:

– Слав, сколько это будет стоить?

– Да вы что, Николай Алексеевич! – возмутился Слава – Ничего не надо, Верочка, наш ответственный редактор, из этого еще новостной репортаж сделает!

– Ну, хорошо, – порадовался он такому решению. – Если возникнут какие-то вопросы с Кирой Васильевной, ты звони мне. – И махнул рукой, увидев выходящих из зала прилета родителей.

– Да все сделаю в наилучшем виде! – бодро пообещал Слава, и они попрощались.

Дорога, как и ожидалось, была сложной, снегоуборочные машины только выезжали на трассу, не особо и торопясь разгрести последствия стихии. Николай вел машину осторожно, но скорость держал приличную. Родители что-то весело рассказывали, но он не слушал, улыбаясь воспоминаниям.

Утром, когда запел будильником его сотовый, Кира поднялась вместе с ним:

– Я приготовлю тебе завтрак, – пообещала она, шурша чем-то в алькове за ширмой.

– Не надо, Кир, ты отдыхай, я умоюсь и пойду. Перекушу в аэропорту, – предпринял попытку остановить ее Николай.

– В аэропорту невкусно, – возразила она и вышла из-за ширмы.

Он не удержался – расплылся в улыбке, так мило она выглядела. Розовенькая ото сна, с небрежно закрученными в пучок волосами на затылке, с непокорными пушистыми прядками, обрамлявшими лицо, одетая в длинное мягкое домашнее платье, именно платье, которое ей очень шло, – девушка-мечта!

– Кофе? – спросила твердо она.

– Я не пью кофе, – повинился Николай.

– А что пьешь? – уточнила Кира.

– Знаешь, я в своем поселке совсем одичал, – признался, как в большой тайне, он, – сушу травы и листья. Делаю из них разные травяные сборы и завариваю вместо чая.

– Травяного сбора у меня нет, – серьезно ответила Кира, – но могу предложить достойный белый китайский чай, я сама люблю только заварной, не из пакетиков.

– То, что надо, – согласился быстро Николай.

Кира кивнула, прошла в кухонную зону, включила чайник и продолжила выяснения:

– Предлагаю на выбор к чаю: бутерброды с мясом и сыром, яичницу, могу подогреть вчерашнюю выпечку?

– Я бы предпочел те пирожки с рыбой, – сделал выбор он, – у них очень интересное и вкусное тесто. Я вчера просто не успел высказать восхищение твоей кулинарией.

– Спасибо, – поблагодарила Кира и принялась хозяйничать, попутно объясняя: – Ксения Петровна очень любит выпечку, но ей нельзя ничего дрожжевого и жирного из-за здоровья. Я, когда еще училась, раздобыла старинный интересный рецепт постного теста, пришлось перепортить кучу муки, пока получился достойный вариант, а так как мясо ей тоже нельзя, научилась делать с курицей и рыбой.

– Открою тебе еще один секрет, – тяжело вздохнул, как на явке с повинной, Николай. – Я тоже не ем мяса. Только птицу и рыбу. Никому не говори! Я же охотников в лес вожу, что-то вроде проводника и егеря нештатного в одном лице, а зверя никогда сам не стреляю и мяса не ем. Получаю положенную долю от добычи, держу в морозилке, готовлю для гостей и на праздники.

– Не скажу! – пообещала Кира, задорно улыбнувшись. – Ты иди умывайся, а я тут быстро все приготовлю.

А потом он уплетал чудо-пирожки, запивая чаем, а она внимательно смотрела на него, и Коле хотелось продлить как можно дольше этот момент, этот почти семейный завтрак, когда красавица жена встает утром раненько поухаживать, покормить и проводить, благословляя в дальнюю дорогу, мужа.

Что-то из мечтаний, теплое, уютное...

Звонок сотового прервал приятные и странные мысли Николая.

– Привет! – ответил он на призыв подруги Аглаи.

– Привет! – весело отозвалась она. – Я тут разнервничалась, что вас нет до сих пор, Генералов порекомендовал в ворчливой форме устроиться в мансарде с биноклем, чтобы не пропустить ваш приезд, а сам быстренько посмотрел в Инете, что вылет задержали до пяти утра, после чего сделал мне предложение иного рода: перестать дергаться и идти спать.

– Полностью с ним согласен, – разулыбался Коля, – шла бы ты спать, Стрелка!

– Поздно! – рассмеялась Аглая. – Я окончательно взбодрилась пререканиями с суровым мужем! Вы когда будете?

– Минут через сорок, может, больше, – ответил он.

– Вы, наверное, вымотались и спать хотите, – предположила Глашка. – Давай я к тебе пойду, завтрак вам приготовлю?

– Не надо, Глашуня, тебе никуда ходить, снега по пояс! – насторожился Коля. – Мы перекусим и спать завалимся, вечером посидим.

– Ну, ладно, – вздохнула Глашка опечаленно. – Успокою Генералова, что мы никуда не пойдем.

– Вот-вот, – согласился Николай. – Привет мужу передавай!

Его единственный близкий друг Аглая Стрельникова прошлым летом вышла замуж за замечательного мужика Генералова Глеба Алексеевича, жившего в их поселке, человека непростого и весьма загадочного, которого односельчане называли не иначе как почтительным Генерал. История их знакомства и женитьбы была весьма романтической и где-то даже неправдоподобной, из разряда так не бывает. А у них вот сложилось.

Теперь Глашка находилась в интересном положении и доводила Николая с Глебом до сердечных приступов своими выходками – то в лес заберется с тяжеленным мольбертом рисовать, то козой по холмам скачет, то со своими учениками кататься на коньках соберется, они еле успевали ее вылавливать, пугаясь страшно. А Глашка ругалась на них почему зря, уверяя, что беременность – это не болезнь и не инвалидность, и нечего трястись, она вполне здорова.

Правильно, наверное, ругалась: они немного со своей опекой перегибали, но признаваться в этом, как любые нормальные мужики, не собирались, так что веселья хватало с лихвой, особенно когда после пережитых волнений все вместе садились пить чай и, устраивая разборку полетов, ухохатывались до слез, вспоминая очередное происшествие.

Николай улыбался этим своим мыслям, представляя Аглаю с Глебом и подумывая, что Кира им обязательно понравится и наверняка они с Глашкой станут закадычными подружками, которых у Аглаи никогда не было.

Торжественный ужин проходил в сплошном веселье. У них так всегда – любые застолья и посиделки – смех, шутки, рассказы веселые. Но нынче Николай как-то выпадал из общего хоровода – кивал, поддакивал невпопад и улыбался чему-то.

Вера Максимовна, легонько похлопав Аглаю по руке, обратила ее внимание на Колю, многозначительно кивнув головой в его сторону, витавшего в каких-то своих мыслях, загадочно улыбаясь.

- Да, я уж заметила, – прошептала ей Глашка. – Что это с Алтайем?
- Не знаю, – шепотом же, заговорщицки поделилась Колина мама. – Он всю дорогу такой был, нас не слушал, улыбался чему-то. Я думаю, тут без девушки не обошлось.
- Щас выясним! – пообещала Глашка, заметив, что Коля поднялся из-за стола и направился в кухню.
- Глашенька, Алтай сам расскажет, когда созреет, – заметив эти маневры и перешептывания, пытался остановить ее Глеб.
- Ну да, а я что, ждать должна? – возмутилась Аглая, поднимаясь со стула.
- Видимо, нет... – рассмеялся Генералов.
- Так, давай-ка колись, Алтай! – воинственно заявила Глашка, торопливо врываясь в кухню.
- Ты о чем, Стрелка? – предпринял попытку уйти от вопроса Николай.
- Коля! – призвала к порядку Глашка. – Ты кому пытаешься ввинтить? Ау! Алтай, это я, твоя подруга Аглая! А там сидит мой муж разведчик! Ты же весь вечер такой загадочный, чему-то улыбаешься, нас вообще не слышишь, выпал из пространства! Давай признавайся, кто она?
- М-м-да! – безнадежно согласился Николай.
- Ну, Коля-я-я, не томи! – поторапливала Глашка.
- Ее зовут Кира, – признался Коля и снова чуть мечтательно улыбнулся.
- И... – подталкивала Глашка.
- Глаш, это длинная история.
- Вчера еще этой истории не было, значит, не очень длинная! – настаивала подруга.
- Ладно, – смиловился Крайнов, – давай чай отнесем, и я всем расскажу, чтобы ты не утруждалась пересказом.
- Ну что? – спросил Генералов, усмехаясь, когда Аглая с Николаем вернулись в комнату.
- Алтай обещал расколотся принародно! – объявила Глашка, села на место, прижалась к мужу и поторопила: – Ну, давай, Коль, рассказывай!
- Он рассказал. Как они встретились в аэропорту, и она его узнала, про то далекое лето и как она играла на пианино, а они с мальчишками лазили через забор – рассказал немного иронично, с налетом легкой грусти по ушедшему безвозвратно.
- А я ее помню! – обрадовалась Вера Максимовна. – Леш, ты тоже должен ее помнить! – обратилась она за поддержкой к мужу.
- Конечно! – уверил с энтузиазмом Алексей Михайлович. – Пианистка!
- Ну да! – И Вера Максимовна принялась рассказывать: – Ты же, Коля, не мог больше ездить к Галочке, все время на сборах, а мы с папой каждое лето к ней наезжали по выходным. Помню, приехали на следующий год после тебя, услышали, кто-то играет, спросили Галю, а она смеется: «Мы, говорит, тут культурными стали, прям музыкально образованными, куда там! Все ближайшие соседи с одиннадцати до двух дня каждый день выключают радио, телики, все газонокосилки и шумные электроприборы и – в огороды! Тишина стоит, только музыка раздается! Даже ребятня не орет. Мы ей предлагали вывешивать на заборе программу концерта: название произведения и композиторов, а она хохочет, говорит, что играет по вдохновению, без программы!»
- Она великолепно играла! – поддержал жену Алексей Михайлович. – Заслушаешься! А сама такая худенькая, тоненькая, девчонка совсем! Еще у нее, помнишь, Вер, такой странный цвет волос был: не то рыжий, не то переспелой пшеницы, но необыкновенный.
- Хорошая девочка! – вынесла окончательный вердикт Вера Максимовна.
- И что? – любопытничала Аглая. – Вы как-то договорились встретиться?
- В среду показательный концерт ее учеников, я обещал устроить видеосъемку, уже со Славой предварительно созвонился. Ну и сам поприсутствую.
- Ой, я тоже хочу на концерт! – тут же загорелась Глашка.

– Глаш, – возразил Генералов, – дорога сложная, снег, мороз. Думаю, Алтай нас с девушкой скоро познакомит, а на концерт в следующий раз съездим.

Аглая театрально преувеличенно вздохнула и положила голову мужу на плечо.

– Ладно, – согласилась с аргументами она.

Николая восхищало, как общаются эти двое. Аглая никогда не спорила с Генераловым по важным и серьезным вопросам, по мелочам несущественным целые представления устраивала – шумела, хохмила, превращая все в шутку и фарс. Но если дело касалось чего-то действительно важного, то она высказывала свое мнение и видение проблемы, после чего предоставляла окончательное решение принимать мужу. Николай как-то поделился с ней своими наблюдениями об этом, а Глашка даже подивилась:

– А зачем мне с ним спорить, если у меня нет противоречий? Ради принципу и отстаивания своей самости? Не вижу в этом смысла! Это ж Генералов, он практически никогда не ошибается. Ну а если ошибается, да и фигли бы с этим, но я что-то такого не припомню. Я уважаю его и полностью ему доверяю, как мужу, как мужчине, как человеку, гораздо больше меня знающему, доверяю его способности нести ответственность за семью. И все. Зачем вмешиваться в мужскую ответственность и в мужские дела? У меня вполне хватает своих.

Потрясающе. Она всегда была не такая, как все, иная. Большинство современных женщин зорко следят за своим равенством с мужчинами и даже превосходства в чем-то, и будут спорить до хрипоты, скандалить, отстаивая свое мнение. И это гробит, уничтожает природное, божественное предназначение мужчины быть главой семьи, нести за нее ответственность, принимать решения, а в семьях подрастают мальчики, которые поколение за поколением растут, принимая за норму такие отношения родителей, когда мать позволяет себе принижать отца, порой и оскорбляя его. А потом с тем же тупым упорством женщины негодуют, что современные мужчины слабы, ленивы и безответственны. Пардон, а кто их такими сделал?

Вот на хрена, объясните, вам до усеру надо было втемяшивать мужу, что вы умнее и лучше знаете, как и что делать? В результате вы получили полную меру ответственности как за женские дела и обязанности, так и за мужские, и прекрасное дополнение к интерьеру в виде мужа на диване.

Конечно, никуда не денешься от исторических реалий в виде комиссарш в кожанках, строек коммунистических, войны, которая тяжким бременем легла на женские плечи: «я и баба и мужик» – было чем проторить эту дорожку. Но как правильно заметили раскаявшиеся феминистки: «Войну полов мы уже выиграли, теперь кормим пленных».

И только мудрые женщины, одаренные божественным чувствованием истины, живут по простым законам – есть мужская ответственность, есть женская – и все. А еще они знают кучу женских секретов, эти мудрые женщины, что притягивает к ним мужчин неодолимо.

Николай, отчего-то погрузившийся в эти странные философствования и рассуждения, выключившись из общего разговора за столом, подумал, что Кира, наверное, такая же, как Глашка – не из этого времени, с нестандартным видением и восприятием жизни, с каким-то иным мировоззрением, более глубоким, чистым, что ли.

По крайней мере, он так почувствовал, эту глубину и истину в ней, и это ее: «С молитвой о тебе». Определенно, они с Глашкой с другой планеты или из другого временного измерения.

«Вот как сдружатся с Аглаей, нам с Генераловым капец!» – с веселым ухарством подумал Коля, немного пугаясь того, что торопит события, еще толком ничего не решив и не определив для себя. Вот как она его зацепила!

А еще он понял, что если бы на месте Киры была другая девушка, то он уж дня два не вылезал бы из ее постели или рванул бы в воскресенье к ней с той же целью. Но в Кире сочетались странные черты, не характерные для нынешних барышень – и юмор на десятку, и вполне современное видение и знание мира, и при этом чистота, изысканность, некая настроенность

и интригующая загадка! Полный комплект, чтобы мужик с катушек соскочил. Так что, как бы ему ни хотелось и ни рвалось, но с Кирой поспешные атаки неприемлемы. Другая это девушка.

На следующий день, в субботу, Кире позвонил часов в десять утра незнакомый мужчина, представился Вячеславом Иванниковым, оператором с телевидения, и объяснил, что он от Николая Алексеевича Крайнова. У Киры даже щеки покраснелись при одном упоминании о Николае. Ну надо же!

С оператором, который попросил называть его Славой, они договорились обсудить все детали в понедельник в колледже. Кира нажала кнопку отбоя и долго смотрела на телефонную трубку в руке, задумавшись.

Она отчетливо понимала, что продолжение ее с Николаем отношений неизбежно.

Их влекло друг к другу, и оба это чувствовали. Пытались как-то завуалировать, не форсировать, но, когда они разговаривали, между ними словно вольтова дуга пробежала, одновременно пугая и восхищая Киру.

Прощаясь у двери, Николай вдруг пригласил Киру на день рождения родителей.

– Впереди выходные, а у нас в поселке красота потрясающая, погуляем, я тебе все покажу, – соблазнял он.

– Я не смогу, – отказалась Кира, даже немного тухнув той быстроты, с которой развиваются события. – Перед выступлением мы с ребятами занимаемся каждый день, и в выходные тоже.

– Тогда увидимся в среду, – легко согласился Коля. – Ну, что ж, пока!

– Пока! – отозвалась она.

Крайнов нагнулся, поцеловал ее в щеку и ушел.

У Киры потом несколько часов все теплело на щеке этот поцелуй, и она загадочно улыбалась. Так и летала, улыбаясь, все эти дни, даже учеников заразила своим настроением, и они все допытывались:

– Кира Владимировна, а вы чего такая?

– Какая? – звонко смеялась она.

– Загадочная, улыбаетесь?

– Радуюсь вашим достижениям! – отделялась шуткой Кира.

А в воскресенье вечером позвонил Николай.

У Киры сердце черт-те что вытворяло – то колотилось, как заполошное, то замирало, проваливаясь куда-то, и щеки покраснелись, и дрожала рука, державшая телефон.

Разговор вели вполне светский – она поблагодарила за Славу и спросила, как проходит празднование дня рождения, он поинтересовался подготовкой к концерту и, посмеиваясь, рассказывал про отмечание сельское с обязательным присутствием врача и участкового, и еще какие-то пустяки обсуждали. И делали длинные паузы, чувствуя недоговоренность и некую скованность, и помолчали, когда пустые темы исчерпались, и скомканно попрощались.

Кира смотрела на телефон в руке, погрузившись в непростые мысли. Ее тянуло к Крайнову неудержимо, и так многого хотелось: начиная с того, чтобы дотронуться до него, слушать его, вдыхать его запах... Но! Но был один момент, который она не знала – просто не представляла! – как переступить и который все усложнял и...

Слава Иванников оказался здоровым парнем лет под тридцать, громким, шепотным. Они обсудили подробности съемки, просмотрели список выступающих детей. Кира настойчиво просила Славу ее саму не снимать, но, видя хитрую улыбку Славы, повторила еще раз:

– Слава, мое выступление снимать не надо, – и немного слукавила, – это неэтично. Вы понимаете?

- Нет, – улыбался оператор.
- Другие преподаватели могут не понять и даже обидеться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.